

Годъ I.

Январь—Февраль.

1899 г.

Дорожникъ

ПО СИБИРИ И АЗІАТСКОЙ РОССІИ.

ВЫХОДИТЬ ШЕСТЬ РАЗЪ ВЪ ГОДЪ

Книга I.

ТОМСКЪ.

Паровая Типо-Литографія П. И. Макушина.

1899.

ныхъ рыбныхъ богатствъ въ могучемъ Енисеѣ,—все говоритъ за то, что пора уже, хотя бы ради только этихъ богатствъ, обратить серьезное вниманіе на этотъ заброшенный и, кажется, самую судьбою забытый край и заняты правильной и разумной эксплоатаціей его богатствъ...

А. Кр—скій.

Самаркандъ.

Самаркандская область, главный городъ которой Самаркандъ, одна изъ самыхъ молодыхъ областей Россійской имперіи: въ минувшемъ году исполнилось всего тридцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, когда впервые русскій флагъ взвился надъ городомъ Тамерлана—Самаркандомъ и началось мирное владычество Россіи на культурнѣйшемъ оазисѣ Туркестанскаго края, орошаемомъ р. Зеравшаномъ.

Приступая къ описанію Самаркандской области, мы прежде всего остановимся на историческомъ прошломъ этой области и ея главнаго города Самарканда.

Свѣдѣніями о далекомъ прошломъ нашихъ средне-азіатскихъ владѣній мы не особенно богаты. Это и понятно будетъ, если вспомнить тѣ опустошительныя нашествія, которымъ подвергалась эта страна.

Однимъ изъ несомнѣнно древнѣйшихъ памятниковъ является географическое описаніе, написанное около 372 года геджры (984 г. по нашему лѣтоисчисленію) *) на очень устарѣвшемъ персидскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ „Предѣлы міра отъ востока къ западу“.

Вотъ что говорится въ этомъ сочиненіи о Самаркандѣ: „Самаркандъ—городъ большой, благодатный и процвѣтающій. Къ нему стекаются купцы всего міра. Онъ состоитъ изъ города, кремля и городской стѣны. По крышамъ домовъ его базара устроенъ свинцовый водопроводъ, по которому проходитъ вода изъ горъ. Въ городѣ имѣется монастырь послѣдователей Ману, которыхъ тамъ называютъ Негушакъ. Въ Самаркандѣ выдѣляется бумага, которая расходуется по всему міру“...

Спустя много времени, Самаркандъ, испытавъ уже всѣ ужасы Монголо-тюркскихъ нашествій, обрисовывается въ персидскомъ сочиненіи XV вѣка „Услада сердець“ въ слѣдующемъ видѣ:

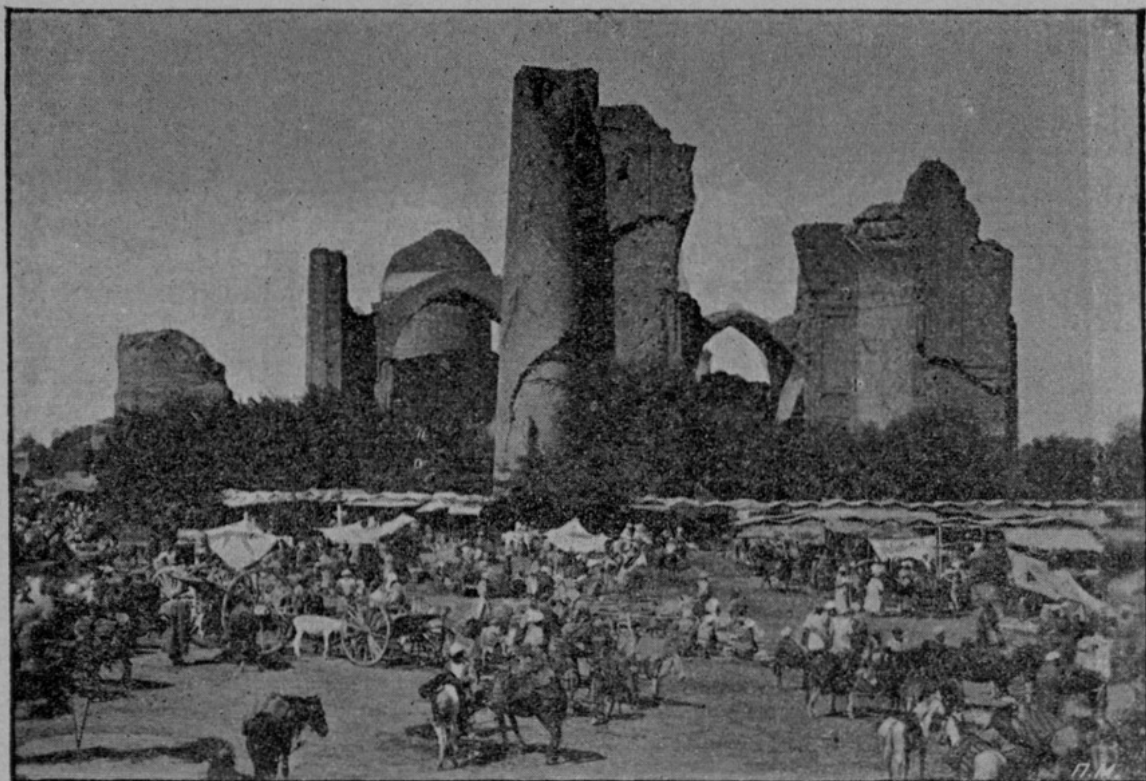
«Самаркандъ находится въ четвертомъ климатѣ**). Въ книгѣ „Месаликъ-уль-Мамаликъ“ (арабское географическое сочиненіе)

*) См. статью А. Г. Туманскаго „Изъ далекаго прошлаго Самарканда“, въ сборникѣ, изданномъ по случаю 25-лѣтія взятія этого города.

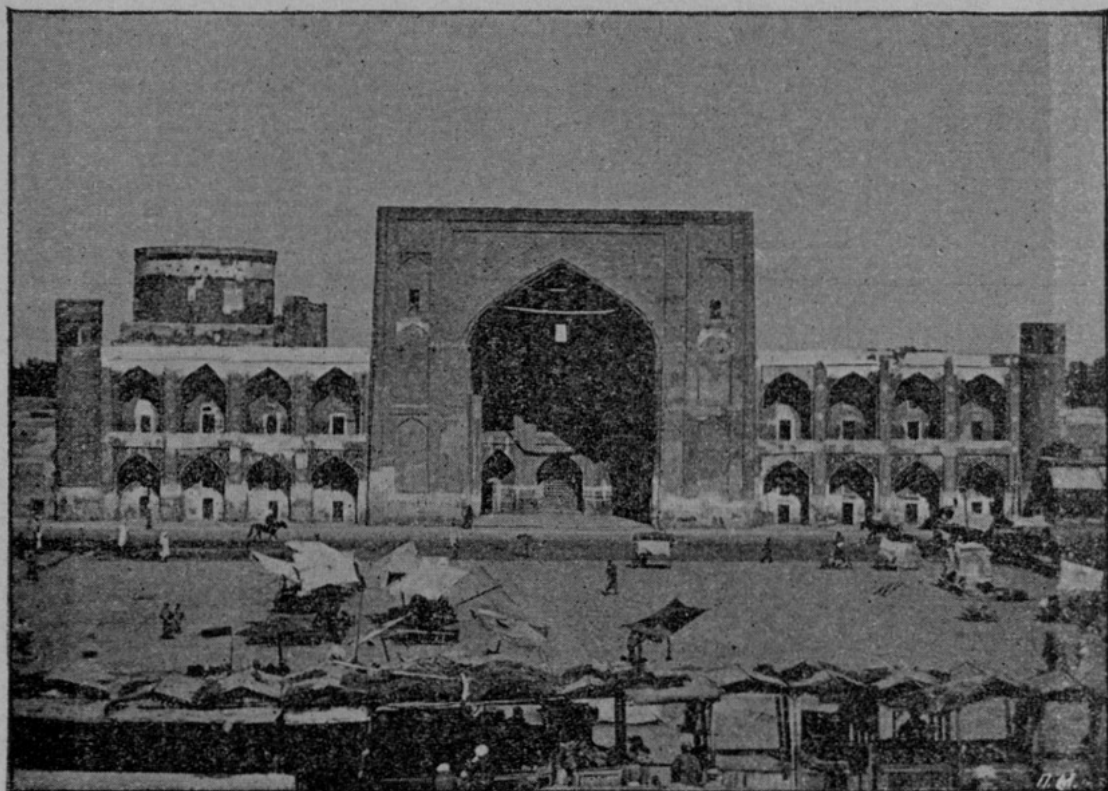
**) Извѣстно, что по мусульманской географіи вся земля раздѣлялась на семь климатовъ.

САМАРКАНДСКІЯ ДРЕВНОСТИ.

(Deux vues d'anciens édifices à Samarkand).

Мечеть Баби-Ханымъ. Постройка начата въ 801 г. геджры (по Р. Х. 1348 г.), окончена въ 1403 г. по Р. Х. Эмиромъ Тамерланомъ.

Мадрасе Тиля-Кари (тилля — золото, каръ — дѣлать) построено Эмиромъ Ялангтумъ-Багодуромъ въ 1051 г. геджры (по Р. Х. 1641 г.)

онъ упоминается, какъ веселѣйшее и пріятнѣйше мѣсто во всемъ мірѣ“. Хусейнъ-бенъ-Мендкаши объ этомъ городѣ говоритъ:

Зелень этого города подобна небу.

Бойницы крѣпости подобны звѣздамъ.

Рѣка-же—это млечный путь на землѣ,

А стѣны подобны солнцу своей высотой.

Самаркандъ состоялъ изъ города, крѣпости и деревень, окруженныхъ стѣной. Длина этой стѣны была пятьдесятъ тысячъ шаговъ.... Прежде была сильная крѣпость, которую разрушилъ Джеханъ—Пехлеванъ—Кершасефъ, явившійся въ Самаркандъ. Землетрясеніе dokonчило дѣло разрушенія такъ, что обнаружались скрытыя подъ развалинами сокровища. Кершасефъ на эти найденныя деньги возстановилъ крѣпость. Спустя нѣкоторое время, она снова обратилась въ развалины. Лесасефъ возобновилъ ея строенія. Эта крѣпость была очень сильная и рвы ея были очень глубоки.... Стѣна отдѣляла эту страну отъ Туркестана и Иранъ—отъ Турана. Длина ея была двадцать фарсаковъ. Александръ Македонскій (Искендеръ Руми), въ этой мѣстности построилъ большой городъ, окружность котораго была двѣнадцать тысячъ шаговъ.

Послѣ него Шимръ, изъ династіи Тобъ, Іеменскій, враждуя съ жителями этой страны, разрушилъ и срылъ до основанія Самаркандъ, такъ что не осталось ни одного строенія. Мѣсто это прозвали Шимръ—Кендъ, т. е. скрытое Шимромъ, а по арабскому произношенію стали называть Самаркандъ.... Климатъ этой страны прохладный (?)..... Черезъ середину города проходитъ большой арыкъ. На этой водѣ находятся многочисленные сады и расположенъ Согдъ, одно изъ знаменитѣйшихъ увеселительныхъ мѣстъ. Этой водой весной пользуются для земледѣлія и воздѣлываютъ пшеницу, виноградъ и фрукты“....

Таковы тѣ скудныя историческія свѣдѣнія, которыя можно почерпнуть о далекомъ прошломъ Самарканда изъ сочиненій древнихъ восточныхъ историковъ и географовъ.

Переходя къ новѣйшей исторіи города, мы прежде всего остановимся на исторіи завоеванія русскими гор. Самарканда.

1 мая русскій отрядъ, подъ начальствомъ генерала Головачева выступилъ съ позиціи на Ташъ—Купрюкѣ и двинулся по дорогѣ въ г. Самаркандъ. Предводителемъ непріятеля—бухарскихъ войскъ—былъ Османъ, бѣглый сибирскій казакъ; до бѣгства онъ былъ въ Образцовомъ полку, потомъ за какое—то преступленіе попалъ въ тюрьму, два раза былъ прогнанъ сквозь строй и, затѣмъ, бѣжалъ къ кокандцамъ. Взятый въ плѣнъ бухарскимъ эмиромъ, послѣ упорнаго сопротивленія при оборонѣ г. Коканда, онъ былъ въ числѣ тѣхъ плѣнниковъ, которые были приговорены къ смертной казни; отъ казни онъ отдѣлался предложеніемъ

обучать бухарскія войска на русскій манеръ. Въ обученіи войскъ Осману помогали бѣглые русскіе арестанты, не исключая и каторжниковъ....

Того-же 1 мая наши войска перешли черезъ р. Зеравшанъ. Движеніе производилось по грудь въ водѣ и подъ перекрестнымъ огнемъ непріятеля. Перейдя послѣдній рукавъ Зеравшана и находясь внѣ выстрѣловъ, подъ прикрытіемъ небольшой высоты, наши войска немного оправились. Нѣкоторые солдаты, какъ говорятъ, ложились на спину и, поднявъ ноги, выливали воду изъ сапогъ. Бухарцы, замѣтивъ этотъ странный и непонятный для нихъ маневръ, ввели его потомъ при обученіи своихъ войскъ, наивно полагая, что это есть какой-то кабалистическій приѣмъ, помогающій русскимъ бить враговъ.

Оправившись русскія войска съ криками „ура“ бросились на окружающія городъ Чапанатинскія высоты. Непріятель не выдержалъ атаки, бросилъ позиціи и оставилъ намъ въ числѣ прочихъ трофеевъ 21 орудіе.

Слабое сопротивленіе непріятеля на Чапанатинскихъ высотахъ заставляло думать, что это была передовая позиція бухарцевъ и что главное сопротивленіе мы встрѣтимъ подъ самымъ городомъ Самаркандомъ. Но, ко всеобщему удивленію, на утро 2 мая изъ города явилась депутація съ хлѣбомъ—солью и изъявила покорность.

2 мая, въ 10 часовъ утра, русскій отрядъ двинулся для занятія Самарканда. Подойдя къ городской стѣнѣ, теперь несуществующей, и найдя ворота открытыми, а жителей спокойно сидящими у своихъ жилищъ, нашъ авангардъ продолжалъ двигаться по узкимъ и кривымъ улицамъ и, достигнувъ цитадели, занялъ ее.

И такъ, священный для магометамъ Самаркандъ былъ занятъ русскими!

Это была страшная вѣсть, которая навела ужасъ на Средне-азіатцевъ. Но за то персы и туркмены, тысячами томившіеся въ тяжелой неволѣ, вздохнули свободно въ ожиданіи скорого конца своему рабству....

Послѣ 2 мая положеніе Бухарскаго эмира было не изъ блестящихъ; оно ухудшилось еще тѣмъ, что его подданные стали подозрѣвать эмира въ тайныхъ сношеніяхъ съ русскими. Муллы начали волновать народъ и имя эмира стало произноситься съ бранью и проклятіями. Въ силу необходимости эмиру приходилось продолжать войну. Начались нападенія на отдѣльныя русскія партіи, а затѣмъ—непріятельскія войска въ большомъ числѣ осадили Самаркандъ. Въ продолженіе 6 дней самаркандская цитадель непрерывно обстрѣливалась. Въ оборонѣ принимали участіе всѣ, кто только могъ двигаться. Въ тяжелыя минуты больные и раненные вставали съ постелей и брались за оружіе.

„Геройство этой горсти русскихъ людей спасло вновь завоеванный край. Пади Самаркандъ—и вся средняя Азія возстала бы. Ханъ Кокандскій стоялъ уже наготовѣ съ многочисленнымъ войскомъ, ожидая извѣстія о первой побѣдѣ надъ русскими, чтобы двинуться къ Ташкенту, гдѣ все уже было подготовлено къ возстанію...

На сколько серьезно отнеслись защитники къ доблести и чести русскаго оружія, свидѣлствуютъ слѣдующія строки изъ донесенія коменданта Самарканда.

„Видя, что въ теченіи двухъ дней у насъ выбыло изъ строя 150 человекъ, что подобная убыль можетъ продолжаться и въ послѣдующіе дни, становилось ясно, что удержать всѣ стѣны цитадели можно было-бы лишь дня два, не болѣе; затѣмъ непріятель ворвется, такъ какъ не хватило бы людей для обороны всѣхъ опасныхъ мѣстъ. Поэтому рѣшено было, когда истощатся всѣ усилія для обороны, когда непріятель сломитъ стѣны и ворвется въ цитадель, то всѣмъ собраться въ эмировскій дворецъ, обороняться до послѣдней крайности, а въ случаѣ прорыва и туда непріятеля—*взорвать порохъ и снаряды*..

8 іюля, послѣ семидневной осады, цитадель была освобождена. Защита Самарканда русскими войсками можетъ быть поставлена въ ряду самыхъ блестящихъ страницъ исторіи русскаго оружія...

2 мая минувшаго года *русскій* городъ Самаркандъ мирно праздновалъ тридцатилѣтіе торжества русской власти и гражданственности въ нѣкогда знаменитѣйшемъ оплотѣ средне-азиатскаго мусульманства, вспоминая съ глубокою признательностію дѣянія храбрыхъ—живыхъ и павшихъ, съ великою честью водрузившихъ на вратахъ Тамерлановой твердыни побѣдоносное русское знамя...

Самаркандъ—областной городъ. Расположенъ на широтѣ $39^{\circ} 39'$ и на долготѣ (отъ Пулкова) $36^{\circ} 37'$. Высота надъ уровнемъ моря—2398 футовъ. Климатическія условія города выражаются въ слѣдующихъ цифрахъ: средняя годовая высота барометра—699,3; средняя температура— 13° Ц., при максимумѣ въ 37° и минимумѣ— 8° по Ц. Преобладающіе вѣтры—западные. Годовое испареніе воды—634 миллим., количество выпавшей влаги 471,1 милл. на кв. дюймъ.

Городъ раздѣляется на двѣ части: русскую и туземную.

Территорія туземной, древнѣйшей части города, занимаетъ около 5 тысячъ десятинъ, изъ которыхъ около 400 десятинъ заняты постройками, улицами и площадями; остальная же часть находится подъ садами. Домовъ въ туземной части значителенъ около 7,500, жителей около 40 тысячъ душъ обоюбого пола. Здѣсь находится 1 русско-туземная школа, 23 мадраса, 82 мактаба и 8 еврейскихъ хадаровъ.

Мечетей 86. Ничѣмъ особеннымъ отъ обыкновенныхъ домовъ онѣ не отличаются; преимущественно—каркасныя и глинобитныя, крыши плоскія. Нѣкоторую красоту придаютъ мечетямъ крытыя террасы, потолки которыхъ окрашены съ большимъ вкусомъ пестрыми восточными узорами съ позолотой. Внутренность современныхъ мечетей обыкновенно небогата и некрасива: квадратное зало, съ высокими, гладкими, изрѣдка украшенными орнаментами изъ гипса стѣнами; кирпичный или земляной полъ, застланный коврами или циновками; одна-двѣ дешевенькія люстры, низенькій табуретъ для корана—вотъ и вся обстановка мечетей. Туристъ, въ большинствѣ случаевъ, не найдетъ въ нихъ ничего интереснаго.

Наоборотъ, сохранившіяся старинныя мечети и зданія заслуживаютъ глубокаго вниманія и, несомнѣнно, заинтересуютъ любознательнаго путешественника. Опишемъ нѣкоторые изъ этихъ древнихъ памятниковъ мусульманскаго творчества.

Мечеть *Шахъ-Зинда* (Живой Царь) находится на сѣверо-восточной окраинѣ туземной части города, по старой Ташкентской дорогѣ. Мечеть построена въ половинѣ XIV вѣка Тамерланомъ (Тимуромъ) въ честь учителя его и распространителя ислама въ Самаркандѣ Касыма-ибнъ-Аббаса. Мечеть состоитъ изъ построенныхъ въ разное время и тѣсно связанныхъ между собою зданій различной архитектуры и величины. Разнообразіе и сложность древнихъ архитектурныхъ зданій мечети Шахъ-Зинда, оригинальная красота отдѣлки ихъ трудно поддаются описанію, но въ общемъ обозрѣніе мечети производитъ сильное впечатлѣніе, удивляя обозрѣвателя на каждомъ шагѣ причудливостію архитектуры зданій, сцѣпленныхъ въ одно общее грандіозное сооруженіе, художественной орнаментикой и неподражаемо прекрасными изразцами, сохранившими до нашихъ дней первоначальную свѣжесть яркихъ и нѣжныхъ красокъ.

Мечеть *Биби-Ханымъ* находится на Биби-Ханымской базарной площади. Она построена Тамерланомъ въ 1399 году въ честь его любимой жены Сарай-Мулкъ-ханымъ. По нѣкоторымъ сказаніямъ Биби-Ханымъ (старшая жена) была родомъ китайская принцесса, по другимъ, довольно невѣроятнымъ — дочь одного изъ русскихъ удѣльныхъ князей. Въ одномъ эти сказанія сходятся: Биби-Ханымъ была мудрая, добродѣтельная и замѣчательно красивая женщина, имѣвшая большое вліяніе на Тамерлана и на судьбу своего отечества.

Зданіе мечети, хотя и находится въ полуразрушенномъ состояніи, представляетъ однако, едва-ли не лучший образецъ древняго зодчества въ Самаркандѣ.

Среди двора мечети стоитъ огромныхъ размѣровъ сѣро-мраморный пюпитръ, украшенный вышуклыми рисунками и арабскими надписями; пюпитръ этотъ нѣкогда служилъ подставкою для чтенія корана; форма его верхней части напоминаетъ полураскрытую книгу. По увѣренію мѣстныхъ жителей, пюпитръ обладаетъ цѣлительными свойствами (въ мистическомъ значеніи, конечно) и потому прикосновеніе къ нему больными членами тѣла облегчаетъ, будто-бы, страданія. Бездѣтныя женщины, говорятъ, находятъ въ немъ таинственную силу для зачатія. Видъ этой мечети приложенъ къ настоящей книжкѣ „Дорожника“.

Недалеко отъ мечети Биби-ханымъ стоитъ небольшой полуразвалившійся мавзолей надъ пятью могилами, въ числѣ которыхъ главное мѣсто занимаетъ могила Биби-Ханымъ.

Памятникъ *Шейбани-хана* находится во дворѣ мадраса его имени. По преданію Шейбани-ханъ былъ убитъ въ 1510 г. на войнѣ съ эмиромъ Измаиломъ. Изъ головы его Измаиль сдѣлалъ себѣ, будто-бы, кубокъ, а тѣло отдалъ самаркандцамъ, которые и похоронили безславно умершаго царя своего подъ этимъ памятникомъ.

Могила св. Даніяра (Даніила), сподвижника святаго Касыма-Ибнъ-Аббаса, одна изъ достопримѣчательностей города, сильно интересующая вновь пріѣзжающихъ въ Самаркандъ туристовъ, извѣстна у русскихъ обывателей подъ именемъ „семисаженнаго святаго“. Могила находится на тѣсной площадкѣ, у крутого обрыва надъ р. Сіобомъ, близъ каменнаго моста черезъ эту рѣку, по ташкентско-самаркандскому тракту. Могила эта обращаетъ на себя вниманіе несоразмѣрною длиною своего могильнаго сооруженія, имѣющаго около 26 аршинъ длины, около 3 арш. ширины и 2¹/₂ аршина высоты. Недоразумѣніе, въ которое впадаетъ всякій новый обозрѣватель могилы въ виду такого гигантскаго намогильника, разрѣшается тѣмъ, что намогильникъ изъ обыкновеннаго короткаго обратился въ теченіи многихъ лѣтъ въ длинный путемъ постепеннаго удлиненія его надъ прахомъ послѣдовательно умиравшихъ родственниковъ святаго.

Мѣстоположеніе могилы — одно изъ живописнѣйшихъ въ окрестностяхъ города и оно, главнымъ образомъ, привлекаетъ къ могилѣ, весной и лѣтомъ, много публики. Здѣсь надъ рѣкою, подъ тѣнью старыхъ развѣсистыхъ карагачей, въ особомъ павильонѣ, пріятно провести свободное время и выпить стаканъ чаю, услужливо предлагаемаго сторожемъ, живущимъ въ пещерѣ у могилы святаго.

Гуръ-Эмиръ — мавзолей на могилѣ Тамерлана, чрезвычайно оригинальной восточной архитектуры, облицованный разноцвѣтными изразцами. Въ мавзолеѣ помѣщено девять намогильниковъ, изъ которыхъ выдѣляется намогильникъ Тамерлана, состоящій изъ двухъ почти равныхъ половинъ темно-зеленаго камня нефрита, въ

формѣ гроба, чисто отполированного. На камнѣ сдѣлана выпуклая надпись на арабскомъ языкѣ, заключающая въ себѣ генеалогію Чингисъ-Хана, день смерти Тамерлана и нѣкоторыя другія свѣдѣнія. У намогильника стоитъ бунчукъ и бѣлое знамя.

Афросіабъ—древнее городище, лежитъ на восточной окраинѣ, на высокомъ, относительно города, плато между рѣкою Сіобомъ и арыкомъ Сіобтей. Городище представляетъ собою волнистую поверхность, около 5 верстъ въ окружности, въ большей части покрытую тысячамъ могильныхъ надписей. Кромѣ обширныхъ кладбищъ, на Афросіабѣ замѣчаются развалины большихъ крѣпостныхъ сооружений, съ широкими и глубокими рвами. Производившіяся въ разное время, представителями разныхъ ученыхъ обществъ, раскопки въ этой мѣстности дали многочисленныя собранія золотыхъ и мѣдныхъ монетъ (временъ греко-бактрійскаго царства и послѣдующихъ за нимъ), бронзовыхъ зеркалъ, различныхъ металлическихъ и глиняныхъ фигурокъ людей и животныхъ. Въ глубокихъ разрѣзахъ городища ясно видны очертанія строеній, превратившихся въ прахъ, съ остатками золы, угля и кухонныхъ отбросовъ.

Исторія этого древняго городища затеряна во мракѣ отдаленныхъ вѣковъ до Р. Х., а существующія различныя преданія туземцевъ—устныя и письменныя—носятъ въ общемъ легендарный характеръ. Преданія называютъ основателемъ города—царя Афросіаба, но ни одно не опредѣляетъ, даже приблизительно, времени существованія этого загадочнаго царя.

Мадраса-Хаджа-Ахраръ находится въ 4-хъ верстахъ отъ Самарканда, въ Ходжа-Ахрарской волости. Она построена въ XV вѣкѣ Надиръ-Муххамадомъ-диванъ-беги у могилы чтимаго всѣмъ мусульманствомъ Средней Азіи святого Хаджи-Ахрара, потомка Омара, умершаго въ 1489 г. Стѣны зданія красиво облицованы снаружи и внутри разноцвѣтными изразцами.

Въ мечети этого мадраса находился знаменитый коранъ, писанный рукою сподвижника Магомета калифа Османа. Священная реликвія эта, представляющая собою по мнѣнію мѣстныхъ мусульманъ, единственный точный списокъ корана Магомета, по занятіи Самарканда была уступлена муллами Мадраса генералу Абрамову для отсылки въ Императорскую публичную бібліотеку, гдѣ и хранится въ настоящее время *),

Н. А. Гурьевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СЕЛЕНІЯ И ЖИЛЫЯ МѢСТА по рр. Алчедату и Золотому Китату.

(Маріинская золото-пріисковая тайга Томской губерніи).

Маріинская золото-пріисковая тайга, или, какъ иначе ее называютъ на картахъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, Маріинская золотопріисковая лѣсная дача, составляетъ только часть огромнаго таежнаго пространства въ области горнаго хребта Алатау, находящагося въ Маріинскомъ уѣздѣ; въ Томскомъ уѣздѣ уже оно называется Алтайской дачей, отъ которой и отдѣляется первая рѣкою Яей, одновременно служащей въ административномъ отношеніи уѣздной границей. Въ рѣку Яю впадаетъ Золотой Китатъ. Такимъ образомъ, Маріинская зо-

*) „Справочная книжка Самаркандской области за 1894 г.“, изданная подъ редакціей М. М. Вирскаго.

Годъ I.

Мартъ—Апрѣль.

1899 г.

Томская Ок. Ужпая
Центр. Окружная Библиотека

Инв.: Шифр:

№ 44409 05157 1899 со.
Д 69-п.е. II.

Цена --- р. --- к.

05(57)/11/1899
2 69-п.с-

Дорожникъ

ПО СИБИРИ И АЗИАТСКОЙ РОССИИ.

ITINÉRAIRE

À TRAVERS LA SIBÉRIE ET LA RUSSIE D'ASIE.

Дорожно-путевое указание по Сибири и Азиатской России. Москва. 1899 г.

ВЫХОДИТЬ ШЕСТЬ РАЗЪ ВЪ ГОДЪ.

Книга II.

Т. Ц. Б.
ПЕРЕИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
1933 г. № 157

Томская
Окружная Центр.
Опорная БИБЛИОТЕКА

Знаете ли вы? ТОМСКЪ.

Паровая Типо-Литография П. И. Макушина.

В книгах
Берегите книгу! 1899.

Самаркандъ.

(Окончаніе).

Покончивъ съ туземнымъ Самаркандомъ, перейдемъ къ описанію русской части города.

Русская часть Самарканда основана въ 1871 году генераломъ Абрамовымъ, по распоряженію котораго, путемъ отчужденія у туземцевъ, на городскія суммы приобрѣтена мѣстность, ограниченная нынѣ: на сѣверѣ—Баръетною улицею, на востокѣ—Эспланадною улицею, на юго-востокѣ—Абрамовскимъ бульваромъ и на юго-западѣ Черняевскимъ проспектомъ. Приобрѣтенная такимъ образомъ мѣстность была раздѣлена на участки, которые были розданы офицерамъ, чиновникамъ, семейнымъ нижнимъ воинскимъ чиномъ и, въ видѣ исключенія, нѣсколькимъ русскимъ купцамъ и мѣщанамъ. Участки раздавались по дѣйствительной стоимости отчужденія земли у туземцевъ (отъ 5 до 10 коп. за квадр. саж.), съ разсрочкою уплаты денегъ на срокъ болѣе года.

Территорія русской части города занимаетъ 229 десятинъ 400 квадр. сажень. Домовъ—частныхъ, казенныхъ и общественныхъ около 500. Жителей 13,500.

Улицы въ городѣ 25, съ общимъ протяженіемъ въ 17 вер. 156 саж., изъ которыхъ 14 вер. 235 саж. шоссированы. Прямая, широкія, весьма чисто содержимыя улицы въ два ряда обсажены деревьями—тополями, карагачами, акаціями, кленами и пр.,—что придаетъ городу въ высшей степени привлекательный видъ. Вообще, зелени въ Самаркандѣ очень много. Обращаетъ на себя вниманіе Абрамовскій бульваръ, названный такъ въ честь перваго устроителя города генерала Абрамова. Бульваръ этотъ отдѣляетъ русскую часть города отъ туземной, полосаю въ 60 саж. ширины и около версты длиною. Бульваръ обсаженъ тополями, акаціями, карагатами, айлантусами и пр. Въ городѣ два прекрасныхъ *сквера*—„Центральный“ или „Старый Паркъ“, между улицами Константиновскою, Николаевскою, Ташкентскою и Ургутскою, и „Ивановскій“—красиво разбитый и живописно расположенный скверъ, названный такъ въ честь устроителя его генерала Н. А. Иванова. Скверъ этотъ находится на Черняевской улицѣ, у дамбы. *Площадей* въ городѣ двѣ—Церковная и Базарная.

Выдающихся *зданій* въ Самаркандѣ почти нѣтъ. Обращаютъ на себя вниманіе только губернаторскій домъ, областная тюрьма да общественное собраніе. Большинство домовъ одноэтажные, построенные изъ сырцоваго кирпича, на каменномъ фундаментѣ и цоколѣ. $\frac{2}{3}$ всѣхъ домовъ подъ односкатными, плоскими земляными или камышевыми крышами.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ *квартиры* въ городѣ въ высшей степени неудобны. Но, не смотря на все это неудобство городскихъ квартиръ, цѣны на нихъ стоятъ очень дорогія. Кое-какъ слѣпленный, на подобіе ласточкинаго гнѣзда, домикъ въ 2—3 комнаты, съ холодною прихожею, сдается не дешевле 240—300 р. Квартиры въ городѣ, вообще, немного, особенно средняго размѣра, на каковыя квартиры большой спросъ со стороны преобладающаго въ городѣ контингента квартирантовъ изъ офицеровъ, чиновниковъ и пр., годовое содержаніе которыхъ превышаетъ 1000 руб. Сравнительно большія квартиры—комнаты въ 4—5, со службами, въ центрѣ города ходятъ по 35—45 руб. въ мѣсяцъ. Всѣ квартиры, почти безъ исключенія, какъ уже было сказано, крайне неудобны. Двѣ трети квартиръ съ деревянными полами, остальные съ кирпичными. Отсутствіе хорошей вентиляціи, недостатокъ солнечнаго свѣта (вслѣдствіе затѣненія домовъ уличными деревьями), плохія печи,—дымящіяся и мало нагрѣвающія, сырость отъ неудовлетворительнаго устройства фундаментовъ и цоколей, протеканіе атмосферной влаги черезъ крышу и потолки, отсутствіе выгребныхъ отхожихъ мѣстъ при самыхъ домахъ и помойныхъ ямъ—вотъ общіе недостатки большинства городскихъ квартиръ.

Распространимся еще нѣсколько объ условіяхъ жизни въ Самаркандѣ.

Контингентъ *прислуги*—случайный, крайне ограниченный; женская прислуга—преимущественно изъ солдатскихъ женъ, мужская—изъ городскихъ сартовъ. Характеристика женской прислуги: незнаніе самой обыкновенной кухонной стряпни, неопрятность и неуживчивость на мѣстѣ; мужской:—полное незнакомство съ русскимъ обиходнымъ хозяйствомъ, незнаніе русскаго языка, неопрятность, лѣнь, неуживчивость на мѣстахъ; цѣны на прислугу: русская кухарка, умѣющая готовить—8—10 р. въ мѣсяцъ, неумѣющая готовить—5—7 руб.; поваръ русскій—15—25 руб., поваръ сартъ—10—15 руб.; нянька русская—5—10 руб., кучеръ сартъ—6—10 руб. Прачки—обыкновенно также солдатскія жены. Плата за стирку бѣлья—съ одного человѣка 2—3 руб. въ мѣсяцъ, семьи въ 6—7 душъ—7—10 руб. Стирка большею частію неудовлетворительная; хорошее тонкое бѣлье скоро портится; употребленіе сартовскаго мыла оставляетъ въ бѣльѣ весьма непріятный запахъ.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о *водоснабженіи*, чтобы покончить съ практическими указаніями по поводу жизни въ Самаркандѣ. Вода для приготовленія пищи доставляется обыкновенно съ „Филатовскихъ ключей“ (у завода купца Филатова, въ туземной части города) туземными водовозами, на ишакахъ, въ бочкахъ и въ глиняныхъ кувшинахъ. Плата: за 6—8 ведеръ воды ежедневно—1 р.—1 р 20 коп. въ мѣсяцъ. Вода неудовлетворительнаго качества, содержитъ большое количество извести и механическихъ частицъ; чай трудно разваривается; значительный осадокъ известковой мути. Для другихъ хозяйственныхъ надобностей употребляется вода изъ мелкихъ оросительныхъ надворныхъ канавъ и хаузовъ (цистернъ).

Гигиеническія условія города далеко нельзя назвать благопріятными. Смертность сильная. Ежегодная смертность равна 44,1 человѣка на тысячу. Это обуславливается, несомнѣнно, главнымъ образомъ, тѣми нездоровыми условіями, въ которыхъ живетъ русское населеніе г. Самарканда и прежде всего сыростью и неудобствомъ жилыхъ помѣщеній. Изъ господствующихъ въ Самаркандѣ *болѣзней* слѣдуетъ указать на малярію, особый видъ изнурительной лихорадки...

Въ Самаркандѣ находятся слѣдующія *правительственныя учрежденія*: областное правленіе, областной судъ *), областной статистическій комитетъ, областной попечительный о тюрьмахъ комитетъ, штабъ войскъ Самаркандской области, почтово-телеграфная контора, уѣздное казначейство, отдѣленіе государственнаго банка, таможня, управленіе II уч. акц. сб., камера мирового судьи Самаркандскаго уѣзда, контора нотариуса, управленіе 2-й Туркестанской линейной бригады, офицерское собраніе, военный госпиталь, интендантскій продовольственный магазинъ, городское полицейское управленіе; штабы: 6, 11, 12, 17 Туркестанскихъ линейныхъ баталіоновъ, 2 го Уральскаго казачьяго коннаго полка, 6 и 7 батарей Туркестанской артиллерійской бригады, 2-й батареи Оренбургской казачьей конно артиллерійской бригады, комендантское управленіе, инженерная дистанція, артиллерійскій складъ, крѣпость съ пороховымъ погребомъ, метеорологическая и гренажная станціи. Учебныя заведенія: Маріинское 4-классное женское училище, городское 4-классное училище, съ интернатомъ при немъ, приходское училище. Въ городскомъ училищѣ существуютъ ремесленные классы, въ которыхъ производится обученіе столярному и сапожному ремесламъ.

Изъ *благотворительныхъ и другихъ общественныхъ учреждений* укажемъ на мѣстное управленіе Россійскаго Общества Краснаго Креста, отдѣлъ Самаркандскаго благотворительнаго общества, дѣтскія „Ясли“, мѣстный отдѣлъ Россійскаго общества покровительства животнымъ, общество любителей драматическаго и вокально музыкальнаго искусства, скаковое общество, дѣтскій пріютъ, общественное собраніе, управляемое особымъ распорядительнымъ комитетомъ.

Публичныхъ *библіотекъ* нѣтъ, но за то при многихъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ находятся собственныя бібліотеки. Такъ — есть бібліотеки при общественномъ и офицерскомъ собраніяхъ; при статистическомъ комитетѣ; при штабахъ войскъ, при чемъ въ этихъ послѣднихъ бібліотекахъ могутъ брать книги и частныя лица за опредѣленную плату: при Самаркандскомъ военномъ госпиталѣ; при городской церкви св. Георгія. Въ послѣдней бібліотекѣ — книги религіозно-нравственнаго содержанія; выдаются бесплатно.

Общественный *театръ*, въ центральномъ скверѣ, первоначально былъ выстроенъ, на средства дѣтскаго пріюта, изъ глинобитныхъ стѣнъ, съ однимъ зрительнымъ заломъ и сценой. Впослѣдствіи общество любителей драматическаго искусства выкупило его у дѣтскаго пріюта и перестроило заново изъ сырцоваго кирпича, пристроивъ необходимыя помѣщенія. Но зданіе, все-таки, непрочно и не удовлетворяетъ самымъ примитивнымъ требованіямъ сценическаго искусства.

Хоры музыки имѣются почти при всѣхъ войсковыхъ частяхъ: они отпускаются и по требованіямъ частныхъ лицъ за плату отъ 1 руб. до 3 руб. въ часъ.

Нумера для пролѣжающихъ: „Французскіе“ (Александровск просп., д. № 12), „Европейскіе“ (Ката-Курганскій просп., № 11—21), „Центральные“ (Кауфмановскій просп., № 33) и пр.

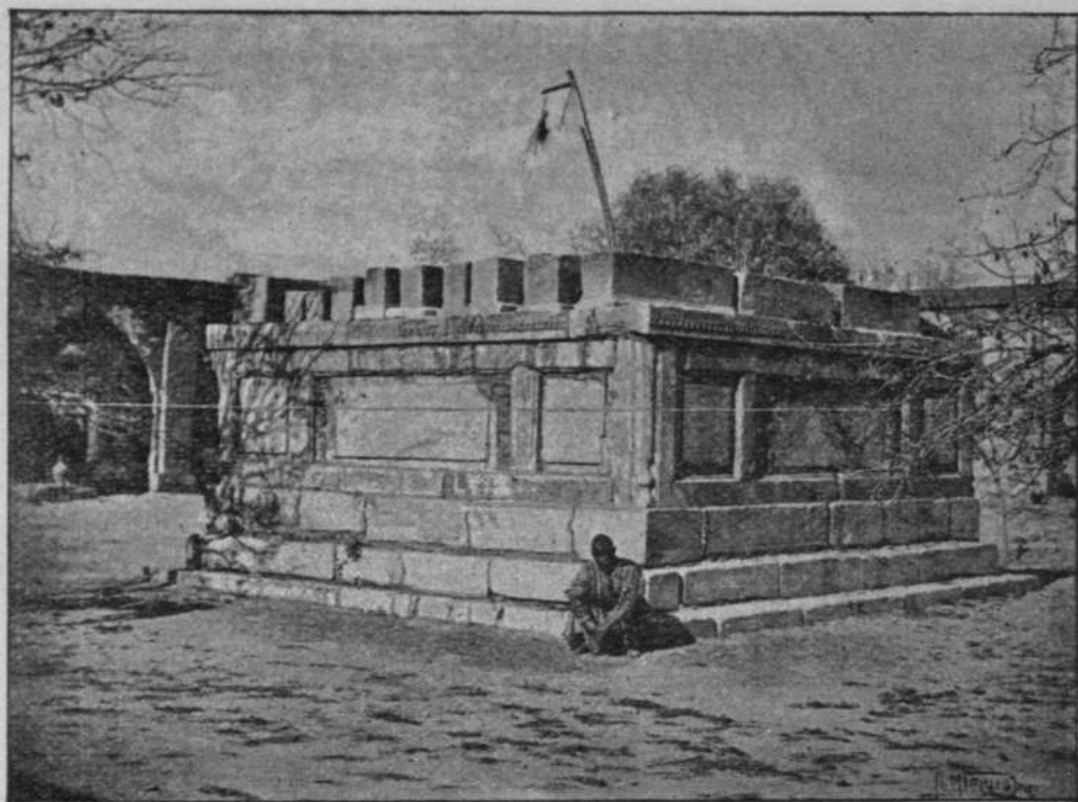
Гостиницы: „Сѣверъ“. (Ката-Курганскій просп., № 41), „Парижъ“ (Ката-Курганскій просп., № 7 1) При обѣихъ гостиницахъ — нумера.

Бани съ нумерами: Рогатюка (Черняевскій просп., № 6), Кириленко (Черняевскій просп., № 53) Плата за № — 50 коп.

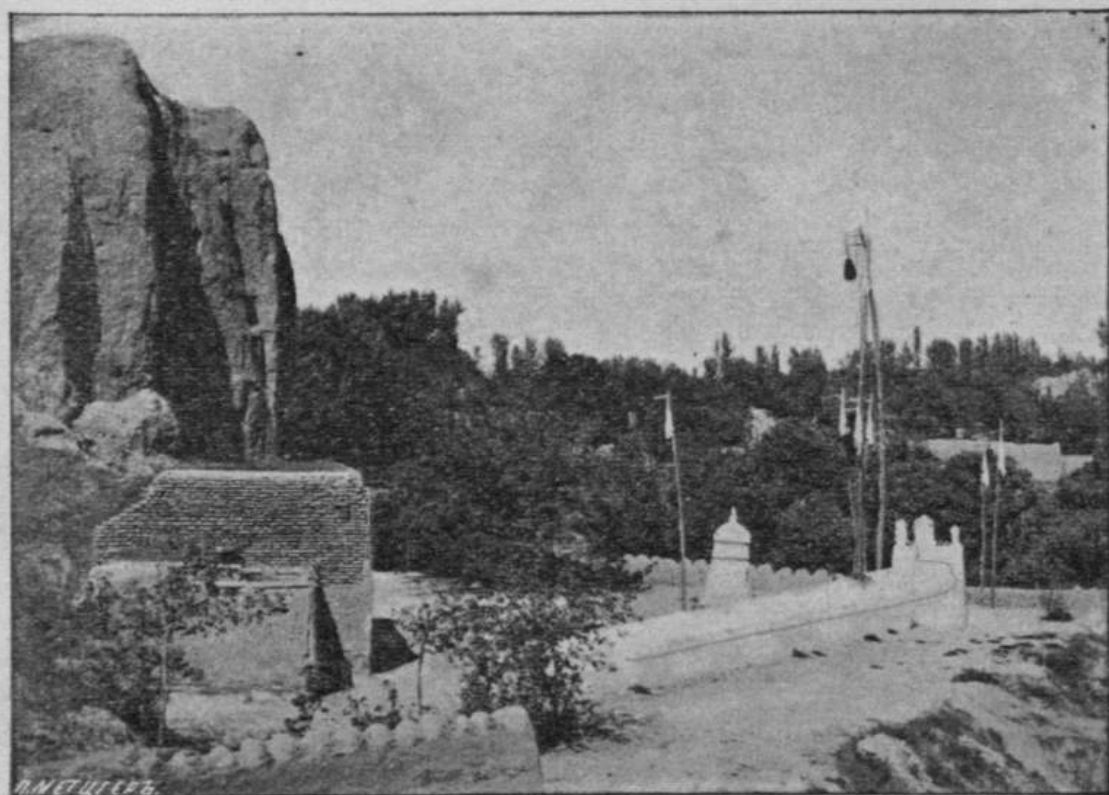
Извозчики удовлетворительны. Фаэтоны дышловые, рессорные, довольно хорошіе. Лошади удовлетворительны. Такса: въ чертѣ русской части города, съ одного человека за конецъ 15 коп., до военнаго госпиталя — 20 коп., на туземный базаръ — 20 коп., до военнаго лагеря — 80 коп. до вокзала желѣзной дороги (ст. „Самаркандъ“ 4 версты) — 50 коп. На переправу р. Зеравшана по самаркандско-ташкентскому почтовому тракту (9 верстъ) — 1 р. 40 коп.; до коннаго, лѣснаго и мучного базаровъ 30 коп.; по часамъ: въ обыкновенные дни 40 коп.; первые дни Св. Пасхи, Рождества Христова, Новый Годъ и послѣдніе два дня масленицы 60 коп. Въ дни визитовъ и отправленія почтово-пассажирскихъ поѣздовъ желѣзной дороги слѣдуетъ запасаться извозчиками заблаговременно.

*) Со второй четверти 1899 г. судопроизводство въ Туркестанскомъ краѣ преобразовывается согласно уставамъ Императора Александра II-го.

САМАРКАНДСКІЯ ДРЕВНОСТИ
(Deux vues d'anciens édifices à Samarkand).

Усыпальница 9-ти царствующих хановъ и ихъ семействъ.
(Tombeau de 9 Khans agant régné, et de leurs familles).

Могила мусульманскаго святого Хаджи Данияра, умершаго въ
667 г. по Р. X (56 году геджры).
(Tombeau du saint Khodji-Daniar, décédé en 677 après I. C)

Кромѣ Самарканда, въ области находятся города Катта-Курганъ, Джизакъ, Ходжентъ и Ура-Тюбе.

Катта-Курганъ—уѣздный городъ Самаркандской области, расположенъ на р. Нарпаѣ (рукавъ р. Зеравшана), подъ $39^{\circ}53'$ шир. и $35^{\circ}55'$ долг. Высота надъ уровнемъ моря 1370 ф. Занятъ русскими войсками въ іюнѣ 1868 года. Какъ и всѣ туркестанскіе города, Катта-Курганъ раздѣляется на двѣ части—русскую и туземную.

Территорія русской части города—47 дес. 2200 кв. сажень. 9 улицъ, обсаженныхъ по обѣимъ сторонамъ тополями, талами, акаціями и айлантусами. Общественныхъ садовъ—два. Одинъ изъ нихъ—при домѣ уѣзднаго начальника, бывшій бековскій садъ, замѣчателенъ многовѣковыми тѣнистыми карагатами и тополями.

Зданій, выдающихся въ архитектурномъ отношеніи, нѣтъ. Всѣ дома одноэтажные, изъ сырцоваго кирпича; большинство подъ односкатными плоскими крышами.

Въ городѣ находятся слѣдующія правительственныя учрежденія: канцелярія уѣзднаго начальника, отдѣленіе попечительнаго о тюрьмахъ комитета, почтово-телеграфная контора, уѣздное казначейство, таможня, камера мирового судьи, управленіе воинскаго начальника, штабъ мѣстныхъ войскъ, продовольственный магазинъ, лазаретъ, приходское училище и русско-туземная школа.

Изъ общественныхъ учрежденій укажемъ на городское хозяйственное управленіе, городскую больницу и офицерское собраніе. Библіотека имѣется при штабѣ 8-го Туркестанскаго линейнаго баталіона. Съ частныхъ лицъ за чтеніе взимается по 1 руб. въ мѣсяцъ. Есть извозчики, легковые и ломовые. Такса легковыхъ извозчиковъ: конецъ по городу 15 коп., на вокзалъ желѣзной дороги 10 коп., до военнаго лагеря 20 коп., до православнаго кладбища 30 коп.; по часамъ: въ обыкновенные дни 40 коп., въ первые дни Рождества Христова, Св. Пасхи и въ Новый Годъ—60 коп. Плата ломовымъ извозчикамъ—по соглашенію.

Туземная часть города ничего достопримѣчательнаго не представляетъ.

Джизакъ—уѣздный городъ Самаркандской области, занятъ русскими войсками 18 октября 1866 года. Географическое положеніе: широта— $40^{\circ}7'$, долгота $37^{\circ}30'$. Высота надъ уровнемъ моря—1264 фута. Средняя годовая температура (по Цельсію) $+13,6$, при maximum'ѣ въ $+41,6$ и minimum'ѣ въ $-20,1$. Среднее состояніе барометра 729,2. Дней съ атмосферными осадками—56, ясныхъ—111. Преобладающіе вѣтры—юго-западные и сѣверо-западные.

Русская часть города занимаетъ территорію въ 120 дес., 1500 кв. саж. 5 улицъ, обсаженныхъ по обѣ стороны деревьями. Садовъ общественныхъ два.—хорошо развиты и занимаютъ центральныя мѣста въ городѣ. Всѣ дома одноэтажные, изъ сырцо-

ваго кирпича, за исключеніемъ зданія канцеляріи уѣзднаго начальника и уѣзднои тюрьмы. построенныхъ изъ жженого кирпича... Жителей въ русской части города около 700 человекъ.

Въ городѣ находятся слѣдующія правительственныя учрежденія и установленія: канцелярія уѣзднаго начальника, отдѣленіе попечительнаго о тюрьмахъ комитета, почтово-телеграфное отдѣленіе, уѣздное казначейство, камера мирового судьи, управление воинскаго начальника, продовольственный магазинъ, лазаретъ, приходское училище для дѣтей обоего пола, городское хозяйственное управленіе.

Въ туземной части города, расположенной въ 4 верстахъ отъ укрѣпленія Ключеваго, около 15.000 жителей; есть русско-туземная школа.

Недалеко отъ Джизака находится соленое озеро Тузь-Канъ, издавна славящееся среди туземнаго населенія цѣлебными свойствами прибрежныхъ грязей. Въ началѣ лѣта сюда съѣзжается значительное число больныхъ ревматизмомъ и разными сыпями. Больные получаютъ быстрое исцѣленіе. Анализъ воды оз. Тузь-Кана далъ слѣдующіе результаты: Отстоенная въ бутылкахъ вода—въ толстыхъ слояхъ блѣдно-желтаго цвѣта, мутновата. Реакція воды слабо-щелочная. Вкусъ горько-соленый. По произведенному качественному и количественному химическому изслѣдованію оказалось, что въ изслѣдуемой водѣ содержатся: хлоръ, сѣрная кислота, углекислота, натрій, магнезія и разныя органическія вещества, какъ въ суспендированномъ, такъ и въ растворенномъ видахъ. Грязь озера—вязкая, грязно-чернаго цвѣта, съ сильнымъ запахомъ сѣроводорода и щелочною реакціею. По изслѣдованію оказалось, что въ этой грязи содержатся кромѣ солей, растворенныхъ въ водѣ озера, еще: сѣрнистое желѣзо, сѣроводородъ, сѣрнокислый кальцій (гипсъ), магнезитъ, глина и песокъ; содистыхъ и бромистыхъ солей ни въ водѣ, ни въ грязи не оказалось....

Берега озера совершенно пустынные; растительности,—почти никакой; прѣсною водою больные снабжаются верстъ за 15. Построекъ при озерѣ нѣтъ. Больные пріѣзжаютъ со всѣми необходимыми запасами. Важно имѣть юрту и лишнюю конную прислугу для подвоза прѣсной воды и проч. Не мѣшаетъ имѣть предосторожность противъ многочисленныхъ ядовитыхъ насѣкомыхъ—тарантуловъ, скорпіоновъ и другихъ паукообразныхъ....

Ходжентъ—уѣздный городъ Самаркандской области, расположенъ на лѣвомъ берегу р. Сыръ-Дарьи. Это—одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Средней Азіи, бывшая резиденція Александра Македонскаго, во времена котораго городъ назывался Александріей. Названіе Ходжента объясняется различно; вѣрнѣе, что оно происходитъ отъ словъ „ходжа“ и „кентъ“,—городъ ходжей.

Городъ занятъ русскими войсками 24 мая 1866 года. Географическое положеніе:—широта— $40^{\circ}17'$, долгота— $39^{\circ}17'$. Высота надъ уровнемъ моря—1083 фута. Лежить въ узлѣ торговыхъ путей изъ Бухары и Ташкента въ Фергану и Кашгаръ.

Территорія города—658 дес. 2200 кв. сажень. Русская часть города занимаетъ узкую прибрежную полосу отъ моста черезъ Сыръ-Дарью до крѣпости, протяженіемъ около одной версты; отъ туземнаго города русская часть не отдѣлена. Улицъ и переулковъ въ обѣихъ частяхъ города болѣе 200. Жителей въ русской части города около 500.

Изъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій въ городѣ находятся: канцелярія уѣзднаго начальника, отдѣленіе попечительнаго о тюрьмахъ комитета, уѣздное казначейство, почтово-телеграфная контора, камера мирового судьи, управление воинскаго начальника, продовольственный магазинъ, лазаретъ, приходское училище для дѣтей обоего пола, городское хозяйственное управленіе.

Туземная часть города славится своими садами, нѣжные и вкусные фрукты которыхъ (персики, яблоки, виноградъ, винныя ягоды, миндаль и пр.) пользуются большею извѣстностью въ Средней Азіи. Здѣсь-же, благодаря обилію тутовыхъ деревьевъ, значительно развито шелководство.

Въ туземномъ городѣ много старинныхъ мечетей, изъ которыхъ по старинѣ и архитектурѣ обращаютъ на себя особенное вниманіе слѣдующія: Хазретъ-Баба (160 лѣтъ), Хазретъ-Ходжа-Камаль (190 лѣтъ), Хазретъ-Шейхъ-Масляхъ-Эдинъ (160 л., построена во имя покровителя города), Хошъ-мечеть (130 лѣтъ), Тахта-Тутти-Калянъ (160 лѣтъ, при ней необыкновенно большихъ размѣровъ тутовое дерево), Намазга (140 л.). Даришикяфъ (220 лѣтъ) и пр. Къ замѣчательнымъ сооруженіямъ относится и старая цитадель, высокія неприступныя стѣны которой оригинально выложены глиняными валиками; цитадель стоитъ на искусственно-насыпномъ бугрѣ довольно значительной высоты. Теперь въ ней расположены: казармы мѣстной команды, лазаретъ, продовольственный складъ, кладовая уѣзднаго казначейства, пороховой погребъ и другія войсковыя зданія.

Годовой торговый оборотъ г. Ходжента—по ввозу около 800 тысячъ рублей, по вывозу—около 600.000 руб. Главныя статьи ввоза—пшеница, скоть, мануфактура, чай, сахаръ; вывоза—хлопокъ и шелкъ.

Есть извозчики,—малоудовлетворительные. Въ городѣ еженедѣльно бываетъ три базара: въ среду, четвергъ и пятницу, съ многолюднымъ съѣздомъ народа изъ окрестностей.

Г. Ура-Тюбе—безуѣздный городъ Самаркандской области, расположенъ на горной рѣчкѣ Акъ-Су; въ древности назывался

Истярау-шанъ. Туземцы произносятъ: Ора тепя (Ора -- яма, тепя — возвышенность — отъ расположенія города въ котловинахъ и на возвышенности). Географическое положеніе: широта — $39^{\circ}55'$, долгота — $38^{\circ}40'$; высота надъ уровнемъ моря — болѣе 3000 футовъ. Городъ взятъ русскими войсками 2 октября 1866 года, штурмомъ, послѣ упорной защиты.

Благодаря относительно высокому мѣстоположенію и близости горъ, городъ пользуется здоровымъ климатомъ. Территорія города — 3794 десят. 1800 квадр. сажень. Русская часть города расположена у подошвы возвышенности, на которой стоитъ цитадель; отъ туземнаго города не отдѣляется. Изъ правительственныхъ и общественныхъ учреждений и установленій въ городѣ находятся: канцелярія пристава Ура-Тюбинскаго участка, продовольственный магазинъ, лазаретъ пріемный покой, управление воинскаго начальника, русско-туземная школа и городское хозяйственное управленіе.

Въ туземной части города заслуживаетъ вниманіе мечеть Кокъ-Гумбазъ, выстроенная около 350 лѣтъ тому назадъ. Еженедѣльно бываетъ два базара. Издѣлія туземныхъ кустарей-ювелировъ издавна славятся въ краѣ хорошей отдѣлкой...

Покончивъ съ описаніемъ главнѣшихъ населенныхъ пунктовъ Самаркандской области, приступимъ къ описанію самой области.

Территорія Самаркандской области, составляющей южную часть русскаго Туркестана, занимаетъ пространство въ 78.227 квадр. верстъ, исключая территорію, занятую городскими поселеніями. Границы области: съ юга и запада — Бухара, съ сѣвера — Сыръ-Дарьинская область; съ востока — Фергана. Главныя горы области: Туркестанскій хребетъ, Мальгузаръ, Кара-Тау и др. Орошается область р. Сыръ-Дарьею и массой горныхъ рѣчекъ, изъ которыхъ наиболѣе значительно является р. Зеравшанъ.

Климатъ области въ общемъ знойный и сухой, съ рѣзкими перемѣнами. Растительность богатая и крайне разнообразная — здѣсь растутъ яблони, персиковыя деревья, абрикосы, виноградъ, груши, сливы, миндаль, фисташникъ, тутовое дерево, рисъ, хлопчатникъ. На горахъ есть растенія и сѣверной флоры: ель, береза и пр.

Изъ представителей животнаго царства укажемъ на тигровъ и кабановъ, водящихся въ обширныхъ камышевыхъ заросляхъ, лисицъ, волковъ, рысей, шакаловъ. Изъ домашнихъ животныхъ разводятся лошади, рогатый скотъ, верблюды, ослы, овцы, свиньи и пр.

Населеніе области достигаетъ до 800.000 душъ обоого пола, изъ которыхъ русскихъ всего около 12 тысячъ, т. е. $1\frac{1}{2}\%$ всего населенія. Туземное населеніе состоитъ изъ узбековъ, таджиковъ, киргизъ и пр. Въ незначительномъ сравнительно количествѣ проживаютъ арабы и персы.

Обращаемся теперь къ промысламъ населенія.

Земледѣліе—составляетъ одинъ изъ главныхъ промысловъ. Воздѣлываемыя земли дѣлятся на ирригаціонныя, искусственно орошаемыя (Оби), расположенныя въ оазисахъ р. Зеравшана и горныхъ рѣчекъ и ручьевъ и орошаемыя исключительно атмосферною влагою. Земли „Оби“ съ давнихъ поръ обрабатываются туземцами по системѣ плодоперемѣнной въ такомъ порядкѣ: по снятіи въ концѣ мая озимыхъ пшеницы, ячменя, льна и пр., земли немедленно засѣваются рисомъ, джугарой, или на нихъ разводятся бахчи (арбузы, дыни и пр.), причемъ приблизительно треть полей оставляется свободными подъ паръ. На земляхъ „ляльми“ воздѣлываются, безъ перемѣны посѣвовъ, исключительно яровыя пшеницы, ячмень, ленъ и пр.

Вообще, на земляхъ Самаркандской области воздѣлываются слѣдующія растенія: пшеница, ячмень, рисъ, огугара (сорго), употребляемая въ кормъ скоту, а въ неурожайные годы составляющая для туземцевъ хлѣбный суррогатъ; „боръ“ (родъ проса), кукуруза, бурчакъ (горохъ), чечевица, турецкіе бобы, кунджуть (масляничное растеніе), сафлоръ, ленъ (воздѣлывается исключительно для добыванія масла, съ обработкой волокна изъ льняного стебля туземцы незнакомы); конопля (разводится, главнымъ образомъ, для приготовленія „банга“—наркотика, дѣйствующаго на подобіе гашиша; сѣмя идетъ на масло; изъ грубо обдѣланнаго волокна изготовляются веревки); макъ (воздѣлывается для приготовленія „кокнара“—наркотика, дѣйствующаго на подобіе опиума); люцерна, единственная кормовая трава въ хозяйствѣ туземцевъ; марена—растеніе, корни котораго даютъ буро-красную краску; индау—масляничное растеніе; разные сорта табаковъ, разныхъ сортовъ дыни, арбузы и тыквы.

Изъ огородныхъ овощей разводятся: лукъ, картофель, морковь, свекла, рѣдька, рѣпа, томаты, огурцы, перецъ, баклажаны, разные салаты, капуста, петрушка, укропъ, рѣдиска, мята и проч.

Довольно значительно развито въ области и *хлопководство*. Культура хлопчатника введена въ сельское хозяйство туземцевъ Самаркандской области уже давно и въ послѣднее время хлопководство представляетъ одну изъ широко-развитыхъ отраслей мѣстнаго хозяйства.

До занятія русскими долины р. Зеравшана разведеніе хлопчатника ограничивалось здѣсь весьма незначительными размѣрами и все получавшееся волокно шло только на потребности мѣстнаго населенія. По занятіи края русская администрація не могла не обратить вниманія на цѣнную культуру хлопчатника и начала изыскивать мѣры къ улучшенію и развитію хлопководства. Устройствомъ въ Самаркандѣ казенной хлопковой плантаціи, съ цѣлью производства опытовъ культуры и распространенія въ

населеніи сѣмянъ американскихъ видовъ хлопчатника, взаимнѣ мѣстнаго низкакачественнаго, сдѣланъ былъ первый практическій шагъ на этомъ пути. Съ того времени, благодаря различнымъ натуральнымъ мѣрамъ русской администраціи, въ видѣ даровой раздачи хорошихъ сѣмянъ хлопчатника, выписывавшихся нѣсколько разъ непосредственно изъ Америки, и содѣйствія къ усиленному сбыту волокна въ Европейскую Россію, а также благодаря соединенію Самаркандской области паровымъ путемъ съ русскими мануфактурными районами и появленію здѣсь въ послѣдніе годы многочисленныхъ скупщиковъ хлопка,—культура послѣдняго стала распространяться необыкновенно быстро и въ настоящее время сборъ сырца хлопчатника, при среднемъ урожаѣ, достигаетъ до 1.500.000 пуд. Со времени занятія русскими области сборъ хлопка успѣлъ увеличиться почти въ 40 разъ.

Виноградарство издавно извѣстно въ Самаркандской области, хотя время насажденія здѣсь первыхъ виноградниковъ опредѣлить трудно, такъ какъ всѣ древнѣйшія свѣдѣнія о Самаркандской области и въ частности свѣдѣнія, относящіеся до земледѣлія и садоводства, весьма отрывочны и не точны. Достоверно извѣстно, что въ VII вѣкѣ, при первомъ вторженіи арабовъ въ Азію, войска Реблибнъ-уль-Гарита лакомились здѣсь виноградомъ. Путешественникъ среднихъ вѣковъ, венеціанецъ Марко Поло, прошедшій въ 1285 г. всю Среднюю Азію, говоритъ, что Самаркандъ—великолѣпный городъ, окруженный чудными садами и виноградниками. Но виноградарство въ старину не было здѣсь сильно развито, такъ какъ прошлая политическая жизнь Самаркандской области не могла благопріятствовать сельскому хозяйству и, въ частности, виноградарству, которое, не успѣвая развиваться, уничтожалось вмѣстѣ съ человѣческими осѣдлостями; поэтому, какъ не древня здѣсь культура винограда, но она никогда не достигала широкихъ размѣровъ, будучи достояніемъ людей богатыхъ, и только въ наши дни, особенно послѣ занятія края русскими, она стала крѣпнуть и расширяться.

Сборъ винограда въ удачные для садоводства годы достигаетъ до 7.000,000 пудовъ; большая часть этого количества идетъ на сушку, затѣмъ—на приготовленіе патоки, пищу населенію, винокуреніе и винодѣліе. Выдѣлываемый изъ винограда изюмъ и кишмишъ въ громадныхъ количествахъ вывозится на верблюдахъ въ киргизскую степь и Сибирь, а также и въ Европейскую Россію.

Винокуреніе изъ винограда производится на нѣсколькихъ винокуренныхъ заводахъ, на которыхъ ежегодно выкуривается свыше 2½ миллионѣвъ градусовъ безводнаго спирта, или около 62.000 ведеръ вина въ 40°. Производство это имѣетъ сбытъ въ предѣлахъ Самаркандской области и только въ ничтожныхъ размѣрахъ идетъ въ Бухару и Закаспійскую область.

Выдѣлка винограднаго вина еще мало развита въ области. Общее производство его едва достигаетъ до 5-ти тысячъ ведеръ въ годъ. Большая часть вина готовится на винодѣльныхъ заводахъ Филатова, Пороховскаго, Толочина и др. Затѣмъ, около 20 тысячъ ведеръ ежегодно готовится временно прїѣзжающими въ область армянами. Заводы эти готовятъ сусло въ половинномъ размѣрѣ изъ европейскихъ сортовъ собственныхъ садовъ, а другую половину изъ мѣстнаго винограда. Мелкіе-же винодѣлы выжимаютъ сокъ исключительно изъ мѣстныхъ сортовъ.

Въ послѣднее время на заводѣ Филатова, кромѣ выдѣлки винъ, положено начало и коньячному производству.

По отзывамъ мѣстныхъ винодѣловъ, приготовляемая русскими заводами вина имѣютъ крѣпость: столовая отъ 10 до 13°, десертныя — отъ 15 до 17°. Цѣна винамъ отъ 1 р. 80 к. до 8 р. за ведро. Вина сбываются, главнымъ образомъ, въ Бухару, Закаспійскую, Сыръ-Дарьинскую и Семирѣченскую области. Но сбытъ вина еще весьма незначителенъ. Для успѣшнаго развитія винодѣлія въ краѣ — первое условіе открытіе новыхъ рынковъ для сбыта вина. Несомнѣнно, что даже при самыхъ благопріятныхъ, исключительныхъ тарифахъ туркестанскому вину трудно конкурировать съ кавказскими, крымскими, донскими, бессарабскими и другими винами, такъ какъ перевозка послѣднихъ всегда удобнѣе и дешевле. Такимъ рынкомъ, гдѣ туркестанскія вина будутъ внѣ конкуренціи, должна быть восточная и западная Сибирь. Въ настоящее время, когда возбужденъ вопросъ о постройкѣ туркестанско-сибирской желѣзной дорогъ, обстоятельство это пріобрѣтаетъ особенную важность.

Если взглянуть на географическое положеніе нашихъ средне-азіатскихъ областей по отношенію къ Европейской Россіи и Сибири, — говорятъ „Туркестанскія Вѣдомости“, — то для cadaго станетъ очевидно, что то, что составляютъ для Европейской Россіи Кавказъ, Крымъ, Бессарабія, вообще все черноморское побережье, такъ называемый югъ Россіи, то по отношенію къ Сибири дано сыграть, какъ по положенію, такъ и по естественнымъ богатствамъ, средне-азіатскимъ владѣніямъ вообще и въ особенности — Туркестанскому краю. Югъ снабжаетъ Россію фруктами, виноградомъ, виномъ и, вообще, всякими благами благодатнаго юга, — такъ точно Туркестанъ долженъ снабжать всѣмъ этимъ Сибирь.

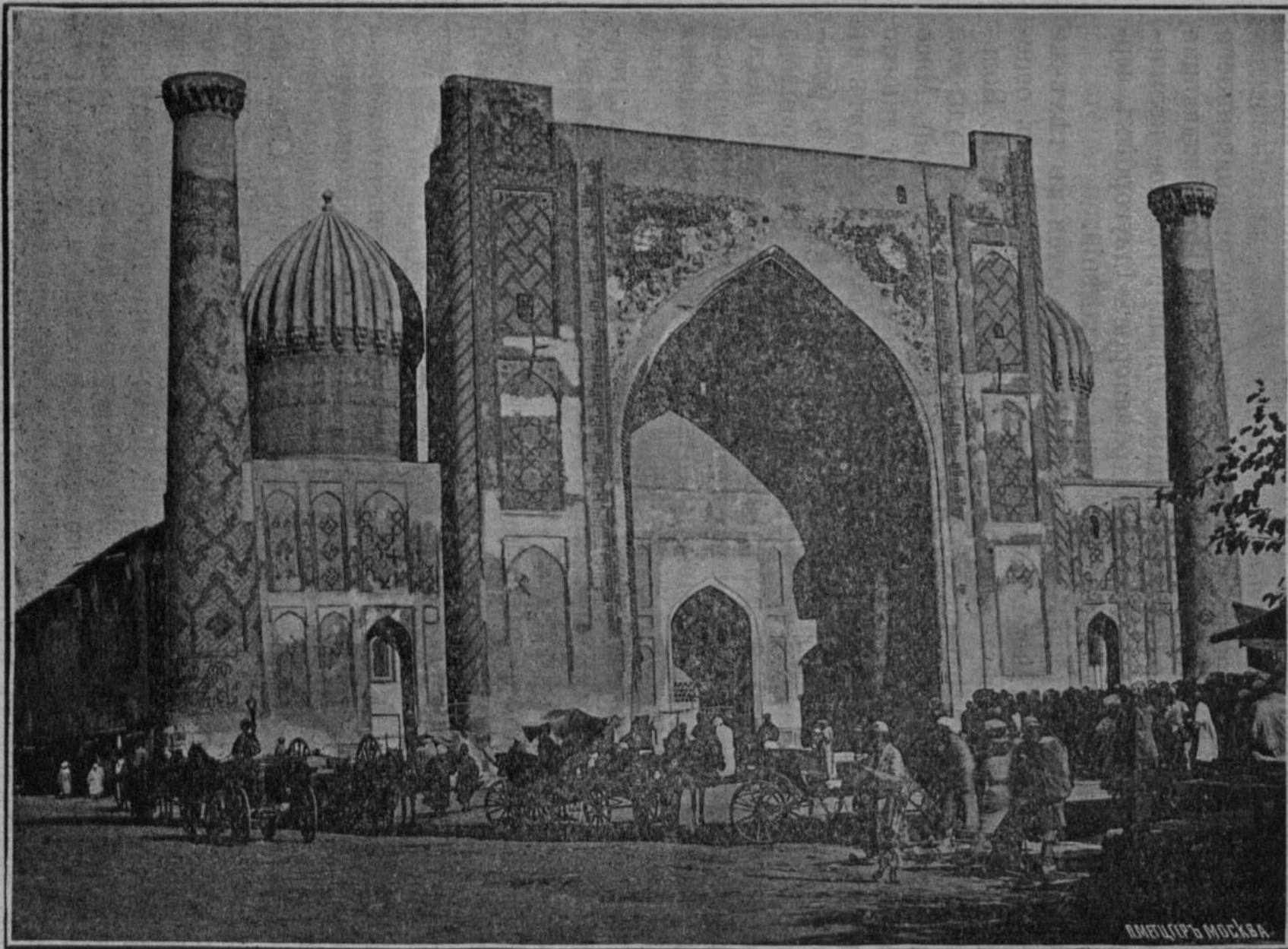
Когда Туркестанскій край будетъ соединенъ рельсами съ великой сибирской желѣзной дорогой, тогда онъ обратится въ благодатный югъ для Сибири, который столь необходимъ ей при ея холодномъ климатѣ; тогда завяжется оживленный обмѣнъ продуктовъ съвера и юга Азіатской Россіи, и тогда именно Тур-

кестанскій край весь избытокъ вина и винограда съ выгодою отправить въ Сибирь и не встрѣтитъ въ этой торговлѣ опасной для себя конкуренціи. Сотни тысячъ ведеръ винограднаго вина могутъ быть отправлены тогда въ Сибирь, и винодѣліе въ Туркестанскомъ краѣ приметъ самые широкіе размѣры.

Для улучшенія виноградарства въ Туркестанскомъ краѣ необходимо еще ознакомить туземное населеніе съ лучшими сортами винограда. Желательно, чтобы правительство пришло на помощь этому и устроило въ Самаркандѣ, центрѣ мѣстнаго виноградарства, опытную станцію, на которой производились бы изслѣдованія туземныхъ и европейскихъ лозъ, и гдѣ-бы туземный виноградарь могъ практически ознанотиться съ улучшенными способами и пріемами культуры винограда и воочію убѣдиться въ преимуществахъ того или другого сорта винограда. Такая станція, подъ руководствомъ спеціалиста, оказала-бы, несомнѣнно, большую услугу мѣстному виноградарству, чѣмъ всякое спеціальное учебное заведеніе, куда туземцы идутъ, вообще, не особенно охотно.

Шелководство въ краѣ только начинаетъ развиваться. Въ болѣе широкихъ размѣрахъ, эта отрасль туземнаго сельскаго хозяйства развита въ Ходжентскомъ, а затѣмъ въ Самаркандскомъ уѣздахъ. Но, все-таки, шелководство составляетъ лишь подсобный промыселъ населенія; занимаются имъ, преимущественно, женщины и дѣти. Условія культуры шелкопряда въ высшей степени антигигіеничны, вслѣдствіе чего червь гибнетъ массами. Въ послѣдніе годы, благодаря содѣйствію Самаркандской гренажной станціи, бесплатно раздающей населенію целлюлярную грену, и торговымъ фирмамъ Алоизи и Беяртъ-Ляицъ, продающимъ населенію здоровую грену миланской и корсиканской породъ, шелководство въ области начинаетъ улучшаться и расширяться. Шелкъ ходжентскаго уѣзда извѣстенъ за лучшій въ краѣ, благодаря хорошимъ природнымъ условіямъ уѣзда, а также и отличительнымъ качествамъ мѣстной шелковицы.

Скотоводство въ области можно считать хорошо развитымъ въ количественномъ, а не въ качественномъ отношеніи. Такъ, правильнаго коневодства не существуетъ и оно съ каждымъ годомъ падаетъ. Рогатый скотъ, получившійся отъ помѣси киргизскаго скота съ породою Зебу, вслѣдствіе недостатка въ кормовыхъ средствахъ и дурного ухода, выродился въ мелкій, разношерстный, некрасивый, истощенный до послѣдней степени, и не представляетъ интереса ни для удоя, ни для убоя. Относительно лучшими качествами отличается скотъ дальнихъ горныхъ волостей по р. Зеравшану, благодаря обилію и разнопородію пастбищъ въ горахъ и продолжительности періода подножнаго корма. Отсюда изрѣдка выводятъ на продажу въ Самаркандъ ко-

Медресе Ширъ-Даръ (ширъ—левъ, даръ—импьющій) въ Самаркандѣ. Сооружена въ 1618 г. эмиромъ Ялангушъ—Богадуромъ.
(Medressé Schir-Dar à Samarkand).

ровъ, славящихся удоиностію и густымъ молокомъ. Въ этомъ отноше-
ніи попадаются интересные экземпляры коровъ: молоко ихъ да-
етъ до того густая сливки, что онѣ теряютъ свойства жидкаго
тѣла и при сѣмѣ ломаются.

Разведеніе верблюдовъ въ области довольно ограниченное и
не представляетъ самостоятельнаго промысла. Преобладающая
порода верблюдовъ—одногогорбые пары. Незначительное количе-
ство встрѣчающихся въ области дромадеровъ (двугорбыхъ вер-
блюдовъ) вводится сюда изъ Бухарскихъ владѣній.

Овцы киргизской курдючной породы разводятся въ тѣхъ-же
мѣстностяхъ, гдѣ и верблюды. По недостатку пастбищъ овце-
водство въ области не представляетъ развитого промысла. Боль-
шіе гурты овецъ встрѣчаются въ горныхъ волостяхъ, куда для
откармливанія пригоняютъ ихъ изъ бухарскихъ владѣній. Мясо
здѣшней курдючной овцы очень вкусно и совершенно лишено
непріятнаго запаха. Овецъ каракульской породы разводятъ въ
небольшомъ количествѣ арабы въ Самаркандскомъ уѣздѣ, боль-
шую часть пригоняя ихъ изъ бухарскихъ владѣній. Изъ приплода
(въ февралѣ и мартѣ) рѣжутъ самцовъ на первой недѣлѣ послѣ
рожденія; мерлушки ихъ высоко цѣнятся, въ особенности черныя,
съ глянцевымъ колечкомъ (сырыя отъ 5 до 7 руб., выдѣланныя
до 10 руб. за штуку).

Козы мелкой породы разводятся, главнымъ образомъ, въ гор-
ныхъ волостяхъ; тамъ онѣ даютъ тонкій пухъ, изъ котораго
горцы выдѣлываютъ теплую ткань для одежды.

Цѣны на скотъ средняго достоинства: лошадь—30—40 руб.,
корова дойная—13—25 руб., волъ рабсчій—отъ 30 до 40 руб.,
верблюды—отъ 40 до 50 руб., овца—отъ 6 до 8 руб., козель—
2 р. 25 коп.—2 р. 50 коп., ишакъ—5—7 рублей.

Изъ минеральныхъ богатствъ добываются въ незначительныхъ
размѣрахъ: золото, въ хребтахъ Тянь-Шаня, — Туркестанскомъ и
Зеравшанскомъ; мѣдь, желѣзо, свинецъ, сурьма, наждакъ, мар-
ганецъ, киноварь, ляписъ-лазурь, бирюза, нашатырь, сѣра, квасцы,
графитъ, горный хрусталь, аспидный сланецъ, гипсъ, известнякъ,
каменный уголь и пр. Въ Джизакскомъ уѣздѣ добывается само-
садочная соль изъ находящихся въ Фисталитаусской волости
озеръ Акъ-Ташъ, Курчукъ-ата и Тузь-Канъ. Добываемая от-
сюда соль, въ количествѣ до 200.000 пудовъ, довольно низкаго
качества, расходуется между кочевниками уѣзда и вывозится въ
Бухару. Вообще, развитіе горнаго дѣла замедляется труднодоступ-
ностію минеральныхъ мѣсторожденій въ гористыхъ мѣстностяхъ,
а также отсутствіемъ крупныхъ предпринимателей и капиталовъ.

Охота особенно богата въ Джизакскомъ и Ходжентскомъ
уѣздахъ. Вблизи Джизака, на болотахъ Яильма и Клы, осенью,
зимой и весной водится много утокъ разныхъ породъ и гусей;

въ горахъ Мальгузаръ и Нуратинскихъ—куропатки, а въ обширныхъ степяхъ Джизакскаго уѣзда, по близости къ водѣ—огромное количество степныхъ рябчиковъ, которые держатся тутъ до наступленія холодовъ; въ теченіи непродолжительнаго времени бываютъ перелетомъ бекасы, вальдшнепы, стрепета. Охотниковъ мало. Охотятся, главнымъ образомъ, туземцы—горцы въ зимнее свободное время, да чины мѣстныхъ войскъ и нѣкоторые чиновники. Вообще-же, охота на птицу и звѣря въ области не носитъ характера постоянного промысла, хотя въ области достаточное количество цѣннаго звѣря—кабановъ, лисицъ, сайгаковъ. Послѣдніе ходятъ большими стадами, но ружейная охота на нихъ очень трудна, такъ какъ эти животныя чрезвычайно пугливы и осторожны. Лисицы водятся въ заросляхъ саксаула и другихъ степныхъ кустарниковъ. На кабановъ туземцы ходятъ только въ случаяхъ опустошительныхъ набѣговъ звѣря на баштаны. Въ послѣднее время въ области появились фазаны, но туземцы охотятся на нихъ очень мало.

Рыболовство, не смотря на массу рыбы въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ области, развито сравнительно, очень слабо. Особенно много рыбы въ Ходжентскомъ уѣздѣ, въ р. Сыръ-Дарьѣ и въ прилегающихъ къ этой рѣкѣ камышевыхъ озерахъ. Здѣсь водятся усачъ, сомъ, сазанъ, жерихъ, красноперка, подлещикъ, щука и проч. Гораздо бѣднѣе рыбою другіе уѣзды области и въ особенности—Самаркандскій уѣздъ. Вотъ почему въ Самаркандѣ, гдѣ обыкновенно большой спросъ на рыбу, нѣтъ даже постоянной рыбной торговли.

Съ промышленною цѣлью рыбачать исключительно туземцы (балыкчи), дневной уловъ которыхъ рѣдко превышаетъ 30—40 фунтовъ рыбы разныхъ породъ. Туземцы—балыкчи ловятъ рыбу: а) длинными саками на длинныхъ рукояткахъ, причемъ одинъ держитъ сакъ, а другой шестомъ выпугиваетъ рыбу изъ подъ береговъ; б) руками, выскивая рыбу въ береговыхъ вымоинахъ, и в) посредствомъ отравленія рыбы кукольваномъ. Послѣдняя ловля, по легкости, одна изъ самыхъ распространенныхъ, но пойманная такимъ образомъ рыба не вкусна, трухлява...

Обращаясь къ кустарнымъ промысламъ, мы должны отмѣтить, что среди мужчинъ туземцевъ встрѣчается не мало сапожниковъ, кожевниковъ, серебряковъ, кузнецовъ, шапочниковъ, плотниковъ, гончаровъ, кибитныхъ мастеровъ, мѣдниковъ и др. Всѣ эти кустари достигли въ своемъ искусствѣ очень невысокой степени; работа ихъ груба и, вообще, плоха, но они и не заботятся объ ея улучшеніи. Женская кустарная промышленность достигла въ нѣкоторыхъ отрасляхъ сравнительнаго совершенства: извѣстныя мѣстныя издѣлія изъ шерсти—ковры, паласы, дорожки, а также изъ шелка: ткани, халаты, шапочки.

Въ общемъ едва-ли возможно ожидать надлежащаго прогресса въ этомъ дѣлѣ, если принять во вниманіе полное отсутствіе техническаго развитія производителя, соціальное и экономическое положеніе котораго, къ тому-же, болѣе чѣмъ неудовлетворительно...

Мы уже говорили выше, что Самаркандская область прорѣзывается линіей Закаспійской желѣзной дороги; считаемъ умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ замѣчательномъ сооруженіи и о его строителѣ.

Первая часть Закаспійской желѣзной дороги была построена въ 1880—1881 году, съ громадной поспѣшностью, отъ Михайловска на Каспійскомъ морѣ до Кизиль-Арвата, съ спеціальной цѣлью—перевозки войскъ для готовившейся тогда экспедиціи на туркменовъ и Ахаль-Теке. Позднѣе исходный ея пунктъ былъ перенесенъ въ Узунъ-Ада, такъ какъ тамъ портъ глубже и доступнѣе для большихъ судовъ. Первые 25 верстъ постройки представляли наибольшія затрудненія, такъ какъ летучій прибрежный песокъ, казалось, не поддается никакимъ усиліямъ. Приходилось поливать полотно желѣзной дороги морской водой и только такимъ образомъ удерживать песокъ на мѣстѣ. Сколько-же пошло на это морской воды, когда нагрѣтый песокъ, какъ губка, втягивалъ въ себя воду!

Не легки были работы и на остальномъ пространствѣ пути. Работали и днемъ и ночью, при дождѣ и палящемъ зноѣ, при недостаткѣ воды и самыхъ необходимыхъ припасовъ. Но, не смотря на всѣ, казалось, непреодолимые трудности, желѣзнодорожный путь былъ оконченъ.

Въ настоящее время линія Закаспійской желѣзной дороги, тянущаяся черезъ Кизиль-Арватъ, Асхабадъ, Мервъ, Чарджуй и Бухару до Самарканда и далѣе, представляетъ не только стратегическое значеніе, а и громадное—культурное, такъ какъ она соединяетъ Европу съ центральной Азіей, а также можетъ стать и главною вѣтвью новаго пути въ Индію и Китай, куда въ настоящее время существуютъ только два водныхъ пути—вокругъ мыса Доброй Надежды и черезъ Суэцкій каналъ. Для перваго пути пароходу нужно 42 дня, а для втораго—24. По Закаспійской-же желѣзной дорогѣ потребовалось-бы на проѣздъ не болѣе 11—12 дней.

Осуществленіемъ этого замѣчательнаго желѣзнодорожнаго пути въ пескахъ Азіи Туркестанскій край и вся Россія обязаны Михаилу Николаевичу Анненкову, скончавшемуся 10 января настоящаго года.

М. Н. Анненковъ принадлежалъ къ старинному русскому дворянскому роду Нижегородской губерніи. Отецъ Михаила Николаевича, генералъ-адъютантъ покойныхъ императоровъ Николая I и Александра II, занималъ постъ Кіевскаго, Подольскаго и

Волынскаго генераль-губернатора, а затѣмъ — недолгое время былъ государственнымъ контролеромъ.

Въ 1845 году, десятилѣтнимъ мальчикомъ, Михаилъ Николаевичъ былъ опредѣленъ въ пажескій, Его Величества, корпусъ, откуда въ 1853 году былъ выпущенъ прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи конно-піонерный баталіонъ. Затѣмъ, въ 1857 г. М. Н. поступаетъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба, которую черезъ два года оканчиваетъ первымъ и имя его заносится на мраморную доску.

Прослужа нѣсколько лѣтъ старшимъ адъютантомъ при штабѣ гвардіи, онъ въ 1863 году служилъ въ Царствѣ Польскомъ, а затѣмъ — дѣятельно работалъ въ различныхъ комиссіяхъ по устройству этого края.

Возвратившись съ театра военныхъ дѣйствій, Михаилъ Николаевичъ, по совѣту генераль-адъютанта Баранова, принялся за тщательное изученіе желѣзнодорожнаго вопроса и, благодаря своему недюжинному уму, въ самое короткое время постигъ его въ совершенствѣ. Вскорѣ генераломъ Анненковымъ былъ поднятъ вопросъ о примѣненіи желѣзныхъ дорогъ къ военному дѣлу, встрѣченный въ правительственныхъ сферахъ весьма сочувственно. Знакомство съ желѣзнодорожнымъ вопросомъ не осталось безъ вліянія на судьбу генерала Анненкова, такъ какъ уже въ 1869 году онъ занимаетъ въ высшей степени важный и отвѣтственный постъ завѣдывающаго передвиженіемъ войскъ и военныхъ грузовъ по всей Россіи.

Уже въ чинѣ генераль-лейтенанта, въ 1880 году, Михаилъ Николаевичъ поѣхалъ въ Закаспійскій край, гдѣ въ качествѣ начальника тыла арміи въ отрядѣ генерала Скобелева, первый подалъ мысль о сооруженіи желѣзной дороги отъ Михайловскаго залива до Кизиль-Арвата. Раненный 18 декабря 1880 года при рекогносцировкѣ, онъ возвратился изъ Средней Азіи въ Петербургъ, откуда лишь въ 1885 году снова возвратился на окраину, дабы, съ Высочайшаго соизволенія, продолжить и довести до гробницы Тамерлана рельсовый путь.

Находясь въ Средней Азіи, Михаилъ Николаевичъ посвящалъ свои труды не одному только дѣлу постройки: видя природныя богатства края, генераль Анненковъ много потрудился на привлеченіе интеллигентныхъ и матеріальныхъ силъ на дальнюю окраину и тѣмъ самымъ во многомъ способствовалъ расширенію торгово-промышленныхъ сношеній Россіи съ дальними рынками Востока. Между прочимъ, ему первому пришла идея вытѣснить иностранный привозный хлопокъ изъ Россіи, — за который уплачивалось безвозвратно каждый годъ много милліоновъ рублей — нашимъ отечественнымъ хлопкомъ, почва и климатъ для культуры котораго такъ благопріятны въ Средней Азіи.

Въ ноябрѣ 1890 года генераль Анненковъ въ послѣдній разъ покинулъ Туркестанскій край, на пользу котораго имъ положено такъ много трудовъ, силъ и энергій.

Исполнивъ еще нѣсколько серьезныхъ порученій, Михаилъ Николаевичъ, измученный долгими и тяжелыми трудами, закончилъ свою многополезную общественную дѣятельность и сошелъ съ видной арены.

Скончался генераль Анненковъ на 74 году жизни, занимая постъ члена военного совѣта....

Н. А. Гурьевъ.

Иркутскъ.

Иркутскъ — губернскій городъ Иркутской губерніи, мѣстопробываніе иркутскаго военнаго генераль-губернатора, управленіе коего распространяется на Иркутскую и Енисейскую губерніи и Якутскую область, и архіепископа Иркутскаго и Верхотенскаго, лежитъ подъ $52^{\circ} 16'$ с. т. и $104^{\circ} 16'$ д. къ востоку отъ Гринвича, на 154 метрахъ высоты надъ уровнемъ моря, на полуостровѣ, образуемомъ судоходной рѣкой *Ангарой* и впадающей въ нее рѣчкой *Ушаковкой*, отдѣляющей отъ города предмѣстья *Знаменское* и *Рабочую Слободу*; на противоположномъ (лѣвомъ) берегу Ангары—*Глазковское* предмѣстье. Невдалекѣ отъ послѣдняго, противъ города впадаетъ рѣка Иркутъ. Ангара—притокъ Енисея, одна изъ быстрѣйшихъ рѣкъ въ мірѣ, служитъ единственнымъ истокомъ, отстоящаго въ 66 верстахъ отъ города, озера Байкала. Быстрота теченія Ангары возлѣ города доходитъ до 1,67 метра въ секунду, при площади поперечнаго разрѣза рѣки въ 1365 кв. метровъ. Ширина Ангары противъ Иркутска 250 саж., глубина отъ 2 до 5 саж. Температура воды, даже въ самые жаркіе лѣтніе дни, не поднимается выше 9° Р. Возлѣ города Ангара замерзаетъ обычно около новаго года. Въ нынѣшнемъ году, вслѣдствіе необыкновенно теплой зимы, Ангара стала 16 января. Обычное вскрытіе рѣки—въ первыхъ числахъ апрѣля. Дно Ангары каменистое. Вода необыкновенно прозрачна, неимѣетъ ни малѣйшаго запаха и на вкусъ очень пріятна. Самый холодный мѣсяцъ въ Иркутскѣ—январь (въ среднемъ $-21,6^{\circ}$), самый теплый—іюль (сред. 18). Морозы кончаются въ маѣ и начинаются въ сентябрѣ. Въ послѣдніе два-три года зимы были необычайно теплыя; въ особенности текущая зима, въ теченіи которой морозъ только разъ или два доходилъ въ концѣ ночи до 30° , а днемъ въ январѣ было нѣсколько оттепелей, чего раньше никогда не случалось.

ITINÉRAIRE

A TRAVERS LA SIBÉRIE

ET LA RUSSIE D'ASIE.

(SIX FOIS PAR AN)

№ 2.

TOMSK.

Typo-Lithographie P. J. Makouschine.
1900.

ASIE CENTRALE.

1.

BOUKHARA.

(Composé par N. Gourieff—traduit par E. Stanislawskaïa).

Enfin le 6 décembre 1867, Mousabek arriva à Taschkend, mais au lieu d'apporter les conditions de la paix signées par Mouzaffar, il n'apporta qu'une simple lettre de son souverain, lettre qui ne contenait qu'un amas de phrases dont la signification était fort difficile à interpréter. Voici le texte entier de cette lettre:

Gouverneur général aide de camp, Kaufman.

Sachez, commandant en chef des armées de Taschkend, que ma santé se trouve en état de calme. Mon humeur ne contient rien qui soit embarrassant. Les conditions que vous m'avez envoyées par le délégué Mira—Khour—Mousabek, ont été reçues. Les suppositions exprimées par le susdit, ont été communiquées. Toutes les propositions sont conformes à l'amitié et à l'espérance. J'envoie le susdit avec l'espoir qu'il remettra ma réponse. Deux états parvenus à l'unité, procureront la paix à tous. Leurs relations réciproques feront renaître leur ancienne amitié.

Il était difficile de tirer une conclusion quelconque de ce spécimen de langage diplomatique asiatique. L'ambassadeur, en qualité de représentant de ladite diplomatie, ne dit non plus rien de clair ou de déterminé.

Cependant Kaufman, qui désirait terminer cette affaire à l'amiable, continua les pourparlers, mais ce fut en vain. Cela s'explique par ce, que Mouzaffar n'était pas dans le fait un prince régnant autocrate, à Boukhara. Il y avait dans cette ville outre l'emir, d'autres puissances, avec qui il fallait compter c'étaient: la classe, dominante et le clergé, et ces puissances étaient mal disposées envers la Russie. La classe dominante voyait dans les

revers qui accompagnaient cette lutte avec la Russie une insulte à ses sentiments patriotiques, et désirait naturellement laver cet affront d'échec militaire. Le même, sentiment patriotique se trouvait froissé, aux yeux du clergé, qui de plus voyait dans les exigences du traité de paix, un attentat contre la religion musulmane, vu que ce traité exigeait qu'à Boukhara, l'un des principaux piliers de l'islamisme, des infidèles comme les marchands russes, fussent traités à l'égal des fidèles musulmans, quant au paiement des impôts sur le commerce.

Ce furent donc ces deux sentiments froissés, le sentiment patriotique et le sentiment religieux, qui empêchèrent Mouzaffar de consentir à conclure la paix aux conditions imposées par la Russie. Car conclure la paix à ces conditions, signifiait pour lui, réduire à néant le prestige de Boukhara dans toute l'Asie centrale, et porter un coup sensible à l'islamisme; d'un autre côté, continuer la guerre suivant les désirs du clergé et du peuple, pouvait amener la ruine de Boukhara. Tel était le dilemme que devait résoudre Mouzaffar, et ce problème, à lui proposé par l'histoire, il se trouva n'être pas de force à le résoudre.

Voyant que ses conseillers étaient portés à opter en faveur de la guerre, et sentant son impuissance, il traînait les pourparlers en longueur et se préparait à la lutte. Dans ce but il s'occupa à exercer ses troupes, mettant pour cela à profit les soldats russes, chez lui prisonniers, et envoyant des émissaires pour engager à désertir les tatares qui servaient dans l'armée russe. Le peuple excité par le clergé, attendait la déclaration de la guerre sainte, ce qui devait avoir lieu à l'une des fêtes. En attendant cette déclaration, les habitants du Khanat s'agitaient sourdement et attendaient avec impatience la fête nommée Kourbane—Baïrame, instituée en mémoire du sacrifice qu'Abraham voulut faire de son fils Isaac. Mais lorsque cette fête se passa sans que la guerre sainte fut déclarée, le clergé, trompé dans ses espérances sur Mouzaffar, se révolta unanimement contre lui, et commença à exciter aussi le peuple à la révolte, déclarant Mouzaffar incapable de gouverner le Khanat, et traître à l'islamisme, car il refusait de continuer la guerre avec la Russie. Ce fut surtout à Samarkand que l'agitation du clergé fut violente, et Mouzaffar fut obligé d'avoir recours à la force armée pour la comprimer.

Sous l'influence de ces troubles, le khan assemble au commencement de mars 1868, un nouveau conseil pour délibérer définitivement sur la question de la conclusion de la paix avec

la Russie. Mouzaffar n'assista pas personnellement à ce conseil, quoiqu'il en suivit les débats de la chambre voisine. Ces derniers furent très orageux au début; les ulémas ne voulaient pas entendre parler de conclure la paix, mais tous s'entendaient parfaitement sur un point, c'était que Mouzaffar, vu son indifférence pour la foi et la prospérité des musulmans, était incapable de gouverner le Khanat, qui devait immanquablement périr s'il continuait à régner. En entendant ces discours, Mouzaffar résolut, pour éviter une mort qu'il sentait fort probable, de quitter Boukhara pour aller faire un pèlerinage à la tombe du saint Bogou-Etdin. Dès qu'il fut parti, on rédigea un édit qui déclarait renégat chaque citoyen refusant de prendre les armes pour combattre la Russie, puis on délibéra, sur la question de destituer Mouzaffar, et de proclamer son fils aîné, émir à sa place.

Lorsqu'on eut communiqué à Mouzaffar une semblable issue des débats au conseil, il se rendit à Kerminé, où il espérait que la population lui était dévouée. En chemin il trouvait aux stations où il s'arrêtait pour y coucher, des placards qui le menaçaient de mort s'il ne parvenait à chasser les Russes de l'Asie centrale.

Accablé par sa malheureuse situation de prince régnant presque destitué, Mouzaffar se rendit à Boukhara, mais en faisant son entrée dans sa capitale, il se vit en butte à une grêle de reproches, et se convainquit que ce n'était plus de conserver le prestige de l'Asie centrale qu'il s'agissait pour lui, mais de chercher à conserver son trône et sa vie. Il vit qu'il lui était impossible de rester dans l'inaction à Boukhara, car cela signifiait tomber victime de quelque assassin fanatique. Cependant les bataillons russes étaient encore loin, tandis que la chute du trône et la mort se dressaient devant lui. Encore quelques jours d'indécision et il lui faudrait paraître au tribunal de Dieu, non entouré d'une auréole lumineuse de défenseur de la foi, mais portant le sceau de renégat et de traître. Voyant qu'il ne pouvait pas lutter plus longtemps, contre la volonté du peuple, il se rendit à Kerminé où il déclara solennellement, comme chef de l'empire musulman, la guerre sainte.

Ce fut alors que commença la seconde période de la guerre qui devait se terminer d'une manière si déplorable pour le Khanat de Boukhara.

Le général Kaufman, dès la première nouvelle de la déclaration de la guerre sainte, résolut de s'avancer sur Samarkand, en partant de Uani—Kourgane, où il ordonna de rassembler les

troupes. Le 1er mai, une bataille fut livrée sur les bords du Zerawchane, au pied des montagnes Tschoupade—Anchisk, bataille dans laquelle les musulmans furent battus, et le 2 mai, les habitants de Samarkand envoyèrent une députation à l'encontre de Kaufman, et ouvrirent devant lui les portes de la ville.

Après avoir occupé Samarkand, Kaufman eut l'idée d'en former un état à part, placé sous la protection de la Russie, mais il renonça à cette idée craignant que des hostilités ne vinssent à naître tôt ou tard entre le nouveau khanat et Boukhara, ce qui aurait obligé la Russie à s'en mêler et à s'annexer Samarkand.

Ayant plus au moins organisé une administration temporaire dans la ville qu'il avait occupée, Kaufman s'app préparait à s'avancer sur Boukhara, cependant il décida de renouveler auparavant les pourparlers avec l'émir. Le 11 mai, il lui envoya une lettre dans laquelle il lui déclara avoir augmenté ses forces, et être prêt à aller en avant, mais connaissant, comme il le disait dans sa lettre, la volonté de son maître qui était de procurer la paix aux nations, il la proposait à Mouzaffar, mais à la condition d'annexer Samarkand à la Russie. De plus, pour rétablir au plus vite la tranquillité à Boukhara, il proposait à l'émir de ratifier sans perdre de temps les nouvelles conditions de la paix, qu'il envoyait à Boukhara en expliquant comment il fallait en user.

Cette lettre parvint à l'émir alors qu'il était plongé dans un grand abattement causé par la perte de Samarkand, et fort irrité contre ses habitants qui avaient rendu à Kaufman la capitale de Timour.

Cependant il était impossible de porter Mouzaffar à conclure la paix, vu que la disposition des esprits était belliqueuse à l'excès. Personne ne pouvait se résigner à la perte de Samarkand. Une agitation extrême régnait dans le khanat. Le séjour assez prolongé que Kaufman avait fait à Samarkand, avait donné à l'émir la possibilité de rassembler son armée, et aux ulémas d'exciter le peuple. Voyant que cette agitation se répandait dans presque toute la vallée de Zerawchane, Kaufman s'avança avec une partie de son armée, et occupa le 18 mai, la ville de Katta-Kourgane, qui se rendit presque sans combat.

Ce mouvement dans la direction de Boukhara, affaiblit un peu l'agitation qui régnait dans les endroits de la vallée de Zerawchane les plus proches de Samarkand et à Boukhara, ce dont profita Mouzaffar pour envoyer à Katti—Kourgane ses ambassadeurs, portant les conditions de la paix d'Orenbourg scellées

par lui. Les ambassadeurs de Mouzaffar apportèrent sa lettre, dans laquelle le fier souverain de la „noble Boukhara“ demandait humblement de laisser aux pauvres musulmans leurs villes, ce qui serait la cause d'une grande joie pour lui, et tout le peuple. Ces villes là, écrivait entre autre l'émir, n'ont absolument aucune importance pour le Puissant Empereur Blanc, puis dans la même lettre, il exprima et son consentement à payer une contribution, selon la mesure de ses moyens.

Kaufman accueillit avec beaucoup d'affabilité ces ambassadeurs, et proposa de rendre à Boukhara toutes les terres prises en 1868, à la condition qu'il serait payé à la Russie, dans la durée de 8 ans, la somme de 4,600,000 roubles. Cette somme représentait le revenu probable de Samarkand et de Katti-Kourgane pendant 8 années. Cependant les ambassadeurs de l'émir ne consentirent point à une telle rançon pour une partie de la vallée de Zerawchane, et alors il leur fut proposé de laisser ces terres aux mains des vainqueurs, Kaufman ne voyant point la possibilité de proposer d'autres conditions.

Les ambassadeurs retournèrent chez leur maître avec les conditions du général-gouverneur russe, qui était convaincu de l'heureuse issue des pourparlers.

Cependant pour cette fois encore, les espérances de Kaufman furent déçues. La tentative qu'avait faite Mouzaffar de s'affranchir de la tutelle des ulémas et des hauts fonctionnaires, et d'agir librement, fut cause d'une insurrection. Des bandes d'insurgés se réunissaient dans les environs de Boukhara et s'apprétaient à marcher sur elle, si l'émir refusait de continuer la guerre avec la Russie. Partout le peuple faisait des préparatifs de guerre.

Cet état de choses fit voir à Kaufman que ses espérances quant à la conclusion prochaine de la paix, étaient vaines, voilà pourquoi il décida de s'avancer contre le corps d'armée principal de l'émir. Le 30 mai, il quitta Samarkand, et le 2 juin, il battit définitivement Mouzaffar, sur les hauteurs de Zeraboulak. Le même jour, des hordes de population insurgée, se mirent à assiéger la citadelle de Samarkand. Le siège de cette citadelle qui n'était défendue que par une poignée de russes, (moins de 1000 hommes) et qui ne dura que 6 jours, ébranla l'énergie du peuple; il y fut témoin de sa propre défaite, et apprit en même temps la défaite des troupes de l'émir dans la bataille de Zeraboulak.

La défaite de Zeraboulak, et celle des insurgés sous les murs de Samarkand, furent les derniers actes du drame sanglant de

1868. Ces deux derniers événements, et l'insurrection qui éclata avec une force nouvelle à Boukhara, plongèrent Mouzaffar dans l'accablement. Il avait été désolé de la perte de Samarkand et avait dit à ses courtisans qu'il aurait préféré que Dieu lui eût ôté la vie que de lui enlever cette ville, après la bataille de Zeraboulak, il demanda à Kaufman la permission d'entrer avec toute son armée dans les terres du grand Empereur, et d'expliquer en sa présence sa malheureuse situation au puissant Empereur Blanc, puis de se rendre à la Mecque.

De cette manière, Kaufman se trouvait avoir la pleine et entière possibilité de rayer de la carte géographique, le khanat de Boukhara. Cependant il répondit à l'émir que jamais il n'avait eu ni le but ni le désir d'anéantir le khanat de Boukhara. Je répète, disait-il, maintenant comme auparavant, que le but de mes travaux et même celui de mes guerres, n'est autre que la paix et la tranquillité des possessions voisines de la Russie.

Puisque je peux obtenir la paix je renonce à la guerre, telle est la volonté du grand Empereur de Russie. Ayant encouragé l'émir en lui certifiant qu'il ne désirait nullement l'anéantissement du khanat de Boukhara, Kaufman lui démontra que son armée pouvait lui servir à lui même, pour apaiser l'insurrection et consolider sa puissance, ce en quoi la Russie pouvait même le secourir. Croyez en donc à ma parole, disait Kaufman en terminant sa lettre, ce n'est qu'en possédant l'amitié de la Russie que vous serez en état de vous réintégrer dans vos droits, et de rétablir l'ordre et la tranquillité au sein des nations qui vous sont soumises.

Cette lettre encourageante coïncida avec la cessation des troubles à Boukhara, dont la population se persuadait de plus en plus de l'impossibilité d'une lutte avec la Russie, et rentrait dans le calme. Aussi lorsque Mouzaffar eut rassemblé un conseil à Kerminé, tous décidèrent qu'il était impossible de continuer la lutte, L'émir signa les conditions de la paix envoyées par Kaufman, et le 23 juin il envoya à ce dernier 10000 tilles (40000 r.) comme premier versement de la contribution.

La paix conclue par Kaufman avec Mouzaffar—Etdin, se distinguait des conditions du projet d'Orenbourg, uniquement par l'article ayant rapport aux frontières. Les événements de 1868, et le refus des ambassadeurs de Mouzaffar quant au paiement de 4.600,000 r. dans la durée de 8 années, comme dédommagement pour le pays qu'on leur rendait, portèrent Kaufman à

exiger que les frontières fussent reculées des montagnes de Komatinsk et de Kachgar—Dawansk. à l'occident de Katti—Kourgane. Naturellement l'émir fut obligé de consentir à ces conditions.

La guerre de 1868, augmenta de beaucoup le prestige de la Russie dans l'Asie centrale. Après le drame sanglant qui eut lieu dans la vallée de Zerawchane, la Russie devint véritablement l'arbitre de ses destinées. L'importance qu'eut la campagne de 1868 devient compréhensible lorsqu'on prend en considération que cette guerre porta un coup irrémédiable au khanat de Boukhara dont l'émir avait une immense influence dans la partie de l'Asie centrale où se trouvent le khanat de Boukhara et celui de Kokand. Ayant enlevé à l'émir le prestige dont il jouissait, la Russie l'avait mis dans sa dépendance, et l'avait rendu son vassal, de maître souverain et absolu qu'il était.

Toute l'histoire suivante de Boukhara, n'est que celle de l'extension graduelle de l'influence russe dans le pays.

Comme nous l'avons déjà dit plus haut, la superficie du khanat de Boukhara, égale à peu près 3602 milles carrées. Le khanat, par la disposition naturelle de sa superficie, se partage en deux parties différentes par leur caractère. La partie orientale, et l'occidentale. La partie orientale est couverte de chaînes de montagnes et de leurs embranchements qui atteignent une hauteur très considérable et appartiennent pour la plupart au système de Pamirs—Alaïsk. La partie occidentale du khanat présente une vaste plaine, couverte en beaucoup d'endroits de sables mouvants et de salines, privée de courants d'eau et presque entièrement déserte. A l'exception des endroits habitables, qui ont l'apparence d'oasis, tout l'espace est composé de plaines désertes, landes et steppes, où même la vie nomade présente beaucoup d'inconvénients. Ce n'est que le 10⁰/o de toute la superficie du khanat qui offre l'aspect de terres cultivées et travaillées. Le reste, dont le sol est fortement saturé de sel, ne présente que steppes unies et parfaitement stériles. Lorsque les pluies printanières cessent, le sel qui s'est amassé à la surface, s'affaisse, et après avoir séché, recouvre les steppes d'une écorce dure d'un blanc grisâtre, et alors la terre prend une teinte d'une pâleur livide. Dans de tels endroits ce n'est que ça et là qu'on voit apparaître à travers les salines, une branche d'un vert éclatant appelée manne de

chameau. Cette plante est si vivace et si peu exigeante, sa tige est si puissante et si élastique qu'on peut voir à chaque pas à Boukhara apparaître tout à coup de dessous le stuc d'un édifice nouvellement bâti, à la hauteur de deux archines, une branche verte difforme, aux épines minces et pointues.

Il n'y a que cette plante sauvage, qui, grâce à sa force extraordinaire, anime par endroits de ses buissons rampants d'un vert éclatant, le morne paysage que présentent les steppes salées. Ce n'est que vers la fin de l'automne, que l'on peut remarquer une certaine animation, produite par les peuples nomades et leurs troupeaux qui y trouvent un semblant de végétation, poussée sous l'influence des pluies tardives. Sur les flancs des montagnes, le genièvre sous forme d'arbrisseau croit en grande quantité et les habitants s'en servent pour chauffer leurs demeures, pour leurs menus travaux, et pour en faire du charbon. La végétation, pour ce qui a rapport aux arbres, se groupe principalement sur le bord des rivières et des ruisseaux qui coulent au pied des montagnes. C'est là que croissent le peuplier, le noyer, le pommier, l'abricotier sauvage, le genièvre et autres.

Le climat du khanat de Boukhara est assez rigoureux en hiver et très chaud pendant l'été. En général il ne peut être appelé sain. Une chaleur continuelle en été, la sécheresse de l'air, d'où provient une forte évaporation, des changements de température très brusques joints à des conditions anti—hygiéniques qui règnent dans les habitations, tout cela sont des causes constantes de maladies; outre la fièvre qui y est souvent très maligne, le khanat de Boukhara se distingue par les maux d'yeux, le typhus, la dissenterie et autres maladies. Parmi les maladies locales, qui ne se rencontrent que dans certains endroits, on peut citer: le goitre, la lèpre, et une maladie très douloureuse nommée richtouu, qui produit des abcès sur le corps et qui est surtout répandue dans la ville même de Boukhara.

La population du khanat est de près de 2,000,000 d'âmes des deux sexes. D'après sa composition ethnographique, elle se divise en deux parties, à la première desquelles se rapportent les peuples d'origine turque, et à la seconde ceux qui sont de provenance irane. Parmi les nationalités turques, ce sont les uzbèques qui occupent le premier rang; ils sont réputés dans tout le Turkestan pour leur courage et la tenacité de leur caractère, de même que leurs femmes le sont pour leur beauté. Les uzbèques sont la nationalité dominante, entre les mains de laquelle

est concentré le pouvoir. Parmi les tribus iranes, ce sont les agriculteurs tadgiques, qui occupent le premier rang; ce sont les habitants primitifs de l'endroit, qui forment le noyau principal de la population de la partie orientale et méridionale du khanat de Boukhara. Outre cela, il y a une petite quantité de juifs, d'afgans de perses d'arabes, de bohémiens, d'arméniens, d'indous et autres, qui y sont fixés. En un mot, la population du khanat de Boukhara est formée d'éléments fort divers et hostiles les uns aux autres, qui ne sont unis que par un lien commun qui est la profession de foi. Toute la population du khanat professe l'islamisme, cependant les nationalités turques sont exclusivement mahométans sunnites, tandis que les iranes quoiqu'elles fassent semblant de professer le sunnisme, restent au fond d'ardents chiites.

D'après sa manière de vivre, la population du khanat se divise en population stable, à demi nomade, et nomade. Le 65⁰/o de toute la population peut être compté pour avoir un domicile fixe, le 15⁰/o même une vie à demi nomade, et le 20⁰/o, une vie absolument nomade.

Les occupations principales des habitants du khanat de Boukhara, sont l'agriculture et l'élevage des bestiaux; la population fixe habitant les plaines, ne s'occupe qu'exclusivement d'agriculture, tandis que la population nomade et celle qui ne l'est qu'à demi, cultive toujours une certain espace de terrain se trouvant à proximité de ses haltes d'hiver. L'été chaud et sec pour la plupart, rend indispensable l'arrosage artificiel des semences, qui demande à son tour des moyens vastes et compliqués d'irrigation, ce qui fait qu'il n'y a que le 10⁰/o du territoire entier de khanat qui présente des terres cultivées. On y sème du froment, du riz, de l'orge, du millet, du la luzerne, différentes espèces de fèves, et d'haricots, du lin, du tabac, du chanvre du pavot, de la garance et autres. L'un des produits les plus importants de l'agriculture, c'est le coton dont on tire jusqu'à 1.500,000 poudes et dont on exporte la plus grande partie en Russie. Les produits des jardins et des jardins potagers, sont aussi un des principaux moyens d'existence de la population, surtout en été. On cultive dans les jardins fruitiers et potagers toutes sortes de raisins, de pêches, d'abricots, de melons et de pastèques, des prunes, plus rarement des pommes et des poires, des coings, des pistaches, des noix et autres fruits. Outre cela on plante des choux, des betteraves, des carotes, des concombres et autres légumes. Les produits de cette culture et les fruits frais, se consomment

exclusivement sur place, cependant on exporte en Russie d'Europe une certaine quantité de fruits secs, surtout des raisins.

L'élevage des vers à soie, qui, il y a peu de temps encore, avait une importance considérable dans le khanat de Boukhara, a maintenant considérablement diminué par suite de diverses maladies du ver à soie qui ont pris une extension de plus en plus grande. La quantité de soie produite dans le khanat, ne surpasse guère 10,000 poudes. L'élevage des bestiaux dans le khanat de Boukhara est développé d'une manière très considérable, surtout dans les localités montagneuses. Les excellents pâturages des montagnes, donnent à la population de ces localités la possibilité de posséder de grands troupeaux de moutons, de bêtes à cornes, de chèvres et de chevaux, et de fournir aux habitants des plaines, des bêtes de somme et de boucherie. Les beaux chevaux de race qui faisaient jadis l'orgueil de Boukhara, se rencontrent fort rarement de nos jours et se perdent dans la masse des chevaux médiocres et de ceux qui n'ont rien de remarquable.

(La suite au prochain numéro).

ITINÉRAIRE A TRAVERS LA SIBÉRIE

ET LA RUSSIE D'ASIE.

(SIX FOIS PAR AN)

№ 4.

TOMSK.

Typo-Lithographie P. J. Makouschine.

1900—1901.

ASIE CENTRALE.

I.

BOUKHARA.

(Fin — Voir les livres 1 — 3-e de l'année courante de l' Itineraire).

La ville principale du khanat de Boukhara et sa capitale, est Boukhara cherif ou noble, comme elle est appelée sur les monnaies frappées au nom de l'émir; elle ne peut être mise au rang des belles villes de l'Orient. Quoique la tradition locale prétende que son fondateur fut Alexandre le biscornu (Alexandre de Macédoine,) on ne peut non plus la mettre au nombre des villes très anciennes. Les rues sont étroites et tortueuses, ses édifices pour la plupart délabrés, couverts d'une épaisse couche de poussière, les eaux coulent avec lenteur dans les canaux, et quelquefois elles tarissent complètement, les places ne sont pas ombragées d'arbres et les rues ne fourmillent plus de peuple, comme cela avait lieu lorsque l'émir de Boukhara était le plus puissant des souverains de l'espace compris entre la mer Caspienne et le lac Aral. L'abondance des eaux stagnantes dans les nombreux étangs, et le manque de courants d'eau fraîche, la forte chaleur de l'été, le manque d'intervalle entre les édifices, le voisinage d'une multitude de cimetières, la poussière et la saleté qui infectent l'air, rendent le séjour de Boukhara très pénible et causent des maladies en grand nombre.

Cependant dans le monde oriental Boukhara jouit d'une renommée retentissante, à titre de centre principal de la science musulmane. „Partout, dans les autres endroits de la terre, la lumière descend d'en haut, mais c'est de Boukhara qu'elle se lève“ aurait déclaré Mahomet lui-même, après avoir été emporté au ciel. est du moins u que disent les ichans et les mullahs turcs. Quoi qu'il en soit, Boukhara est sans contredit une de ces villes dont le nom doit avoir une place marquante dans l'histoire de la pensée humaine. La science musulmane y a atteint un degré remarquable de développement à différentes époques, depuis le IX jusqu'au XII siècle par exemple, puis au XIV, lorsque la ville se fut un peu remise après l'horrible dévastation causée par les hordes sauvages de Tschengis—Khan. Tout comme à l'autre extrémité du monde musulman, c'est à dire à Séville, à Gre-

nade, à Cordou, le mélange de la civilisation arienne et de l'arabe ont les résultats les plus heureux pour le progrès des connaissances humaines; ici aussi la population locale convertie à l'islamisme, et plus ou moins soumise à l'influence arabe, donna naissance à un grand nombre d'illustres poètes, écrivains, docteurs, et savants. De nos jours encore, en ville des temples, (traduction littérale du mot Boukhara,) est en même temps la ville des écoles.

Trois cent soixante mosquées élèvent à une grande hauteur au-dessus de la masse de maisons basses, leurs coupôles, leurs minarets. Parmi les mosquées la principale, nommée Mesjidi-Kaliane, est très remarquable; c'est là que l'émir assiste tous les vendredis à la prière; à côté de cette mosquée se trouve un minaret rond en briques, appelé Majeri-Kaliane, qui a 87 arhines (environ 29 toises) de hauteur. Il y a peu de temps encore, on précipitait les criminels condamnés à mort, du haut de cette tour sacrée, sur un palier dallé qui l'entoure. Personne n'avait le droit de monter à cette tour, excepté les mullahs et le bourreau lorsqu'il entraînait les victimes à la mort.

Il y à Boukhara plus de 100 médresaé ou écoles dont l'une a été bâtie très luxueusement aux frais de l'impératrice Catherine II et dont elle fit cadeau à l'émir alors qu'elle tâchait de s'en faire un allié. Il y a un grand nombre d'écoles, mais au sein de cette pépinière de la civilisation, on ne rencontre que tradition morte; la routine dans l'enseignement a anéanti la véritable science, et maintenant on n'enseigne plus dans les écoles que des formules sèches et sans vie. Il en est de même de la foi musulmane, autrefois si ardente à Boukhara, elle n'est plus que bigoterie et hypocrisie. Cette Rome de l'islamisme est présentement une des villes mahométanes, où sous la sévérité, des règles et des devoirs religieux, sous le masque de la piété, se dissimulent le plus de supercheries et autres vilenies de tout genre. Toutes les ordonnances des mullahs et de toutes les espèces d'ordres mahométans, sont exécutés à la lettre; les habitants de Boukhara portent toujours sur eux leur lincil mortuaire enveloppé dans leur turban, ils font exactement leurs prières, leurs génuflexions et leurs ablutions, mais en même temps la mauvaise foi, les dénonciations ne sont nulle part aussi communes qu'à Boukhara, où le vice sous toutes les formes, s'installe tranquillement aux portes mêmes des mosquées.

Outre Boukhara, les centres les plus importants et les plus peuplés du khanat, sont: Karchi, Chaar, Kitab, Tchiratschi, Gouzar, Karakoul, Ziaetdin, Khatirtschi, Guissar, Chir—Abad, Kouliab, Garm, Kerki, et Kerminé.

Quant aux colonies russes du khanat de Boukhara, la ville de Nowaïa—Boukhara, mérite d'être mentionnée. Le 23 juin 1888, le gouvernement russe a signé son consentement par rapport à l'organisation dans le khanat de Boukhara de colonies russes aux stations du chemin de fer, et aux ports des bateaux à vapeur. La même année fut fondée la colonie russe nommée Nowaïa—Boukhara, dans une localité appelée Kogane. C'est là que fut fondée la maison de l'agence impériale politique russe à Boukhara, dont la résidence se trouvait être auparavant dans la capitale. Le gouvernement de Boukhara s'occupa de la construction d'un bazar, qui donne maintenant à son possesseur de grands profits. Toute espèce d'entrepreneurs, des sociétés commerciales—industrielles, et des particuliers en grand nombre se mirent à acheter des terrains dans la ville nouvellement née, et à y bâtir.

En 1890 il y avait déjà à Boukhara plusieurs comptoirs de transport, plusieurs magasins et boutiques et un bureau de poste. En 1892, une église russe y fut construite, une école paroissiale y fut ouverte, un juge de paix y fut établi, et en 1894 une section de banque de l'état y fut organisée et puis une douane. Il y a environ 2500 habitants à Nowaïa—Boukhara, parmi lesquels les fonctionnaires tiennent le premier rang, puis viennent les agents et les commis de différents bureaux de commerce commerciales—industrielles, en un mot, des gens se trouvant au service.

Une branche importante de l'industrie locale, c'est le transport de diverses marchandises venant de Russie à Boukhara et vice—versa. L'industrie est peu développée, il n'y a en tout qu'une distillerie, une fabrique d'allumettes et une de tabac.

L'administration de la ville est du ressort de la police. Un fonctionnaire nommé par le général—gouverneur du Turkestan, représente là l'autorité de la police et celle de la justice ainsi que son exécution, outre cela il est chargé de l'économie de la ville. Le budget annuel de l'administration de la ville atteignait à peine 2000 roubles les premières années qui suivirent la fondation de Nowaïa—Boukhara, tandis que maintenant il dépasse 12,000.

Il y a dans la ville plusieurs beaux magasins, deux bons hôtels qui sont tenus très comme il faut, tout à fait à l'européenne, il y a aussi un club, une typographie, une bibliothèque publique et un cabinet de lecture.

Il faut cependant avouer que la ville manque de vie sociale et d'initiative quant à une activité sociale quelconque. On mène pour la plupart une vie aisée, mais monotone et peu animée.

Voilà les renseignements succincts que nous avons trouvé bon de donner aux lecteurs de l'Itinéraire, sur les domaines de notre vassal, Seid-Abdoul-Akhat-Khan.

ЗНАЮЩІЙ ВЪ СОВЕРШЕНСТВѢ СВОЕ ДѢЛО

МАСТЕРЪ ВЫВѢСОКЪ

И. А. НОСКОВЪ

ВЪ БАРНАУЛѢ.

Принимаю заказы вышесказанныхъ работъ **ЗОЛОТОМЪ, СЕРЕБРОМЪ** и **КРАСКАМИ** по бархатистому и глянцевоу фонамъ **всѣхъ цвѣтовъ**; а также на **СТЕКЛѢ** съ **ИНКРУСТАЦІЕЙ** и всевозможными рисунками живописи.